

А. Г. Акулов, Е. Д. Паульс.

Тагарская курганная архитектура и отражение в ней процессов социального развития.

<< Основной текст этой работы был создан весной 2008 года в процессе подготовки к докладу на II археологическом съезде. Здесь представлен развернутый вариант опубликованных в его материалах тезисов (2, с 5-8), который, после некоторой доработки, также предполагалось опубликовать. Писал его я (всем известна нелюбовь протагониста сборника к созданию объемистых текстов), Е. Д. по написанным блокам делал свои замечания и поправки.

Правка этого исходного текста в процессе подготовки в данный сборник свелась лишь к сокращению и – частично – переформатированию некоторых пассажей с сохранением их общего смысла. Текст был снабжен приложением, иллюстрациями и библиографией, добавлены несколько примечаний.

Полтора года и два полевых сезона, прошедших после кончины Е. Д., не повлияв на общую концепцию работы, позволили по-другому взглянуть на некоторые существенные детали. Необходимые, на мой взгляд, уточнения даны в тексте «закавыченным» курсивом (<< >>).

Заново мной написан только небольшой раздел, касающийся хронологии памятников. В исходном варианте текста он, во-первых, занимал всего два небольших абзаца, во-вторых, являлся компромиссным, поскольку мы тогда еще не были готовы к ее «радикальному» пересмотру (желающие могут ознакомиться с этим вариантом в опубликованных тезисах). Вариант, изложенный здесь, представляется мне менее противоречивым, и, как следствие, более продуктивным. Разумеется, он выделен в тексте тем же образом. >>

*Предпосылки исследования. Среди культур скифского мира евразийских степей особую позицию занимает тагарская культура Минусинской котловины. Удаленность от центров цивилизации и, как следствие, от наиболее динамично развивавшихся скифских обществ – европейских, среднеазиатских, ордосских – привела к определенной замкнутости, провинциальности, своеобразности ее культурной традиции. Эта печать ощутима в различных сферах культуры. Малы ее региональные различия, стандартизована керамика, набор вооружения довольно скуден, более того, с определенного этапа он «миниатюризируется», функциональные вещи заменяются символическими, что не способствует богатству форм, конская сбруя представлена немногочисленными случайными находками, не слишком разнообразны сюжеты торевтики. Мы бы имели не слишком выразительную картинку культуры закоулка скифского мира, если бы не самый яркий ее феномен, ее визитная карточка и символ – курганная архитектура. Вообще, индивидуальный курган, тем более курган *статусный* – не менее значимый компонент скифской культуры, нежели любой из входящих в «триаду». Сооружение такого кургана – способ передачи современниками своих представлений о статусе погребенного и его личной харизме. Курган – это документальное свидетельство о человеке, покоящемся в нем.*

*В Минусинской котловине, дистанцированной от перипетий бурной политической жизни больших царств Великой Скифии, возможности, заключающиеся в курганном зодчестве, были раскрыты с наибольшей полнотой. Курганная архитектура тагарской культуры является первостепенным по важности историческим источником, по своей информативности чуть ли не превосходящим все остальные, к этой культуре относящиеся. Внешний облик кургана – его размеры, высота, пропорции, нюансы архитектурного оформления – здесь представляет собой компактный блок кодированной определенным образом информации о погребенном, некую кодовую группу, синтагму. Это позволяет рассматривать курганные могильники как *связные последовательности* таких*

синтагм – своеобразные тексты об истории соорудивших их кланов. Логика, грамматика, синтаксис этих текстов запечатлелись в расположении могильников в пространстве, в последовательности строительства отдельных сооружений, в образовании этими сооружениями частных внутренних структур.

И – часто – это не просто тексты. Это тексты *художественные. Престижные* (см. далее) курганы, могильники властной элиты суть отражения игр их создателей – воли и амбиций правителей и лидеров, искусства архитекторов и мастеров. Эти игры обусловили динамичность курганной традиции, привели к *гонке-за-престижем*, росту масштабов сооружений, поиску новых средств для создания выразительных эффектов, смене архитектурных стилей. В конечном итоге – к тому, что мы сейчас можем без всяких натяжек говорить об *искусстве тагарского курганного зодчества*.

Это дает редкую в археологии возможность. Понимание как *правил игры*, так и общей логики развития курганной архитектуры позволяет нам, не проводя раскопок на могильнике, определить время его функционирования и последовательность строительства на нем отдельных сооружений. В особенности это касается могильников элиты тагарского общества. Значение этого факта трудно переоценить. Все основные могилы более-менее значимых курганов подвергались ограблению, как правило, неоднократному. В результате мы не имеем ни одного относящегося к этим могилам закрытого комплекса. В этих условиях знаковое архитектурное оформление кургана является *единственным надежно реконструируемым атрибутом* человека (или некоей социальной ячейки – для позднетагарских коллективных склепов), в честь и память которого он возведен.

Сопоставляя архитектурные особенности курганов различных могильников, мы можем синхронизировать их между собой, определить продолжительность каждой из фаз развития курганной архитектуры, в значительной мере восстановить как историю отдельных властных кланов, так и тагарского общества в целом. Обобщая эти данные, мы можем говорить о смене социальных и культурных эпох и о внутреннем содержании каждой из них.

Наблюдения за динамикой развития тагарской архитектурной традиции убедили нас в несомненной пользе создания ее новой периодизации. Разумеется, отправной точкой наших исследований явились существующие периодизации тагарской культуры, также во многом основанные на эволюции погребальных сооружений. Однако мы пришли к существенно иному пониманию стадий развития тагарской курганной архитектуры. Эти стадии тем или иным образом сопрягаются и со стадиями тагарской культуры как целостной системы. Поэтому мы излагаем свою периодизацию, лишь в конце работы сопоставляя ее с предыдущими.

Эта работа имеет промежуточный характер, являясь лишь «стоянкой» на нашем пути. Каждый новый сезон исследований углубляет, а в некоторых случаях и существенно меняет наше понимание исследуемых нами памятников, внося все новые нюансы в представления о развитии тагарского курганного зодчества, да и об истории тагарской культуры в целом. Тем не менее, не лишенная целостности картина, которая сложилась на данный момент в результате наших штудий, заслуживает быть вынесенной на суд коллег.

Принципы исследования. Это попытка понять историю эволюции курганной традиции в целом, восстановив частные истории могильников и курганных полей, отследив изменения пространственных схем, строительных приемов, архитектурных стилей. Методы, положенные в основу исследования, предельно просты – обмеры сооружений и их составных частей, фиксация планов могильников с использованием как инструментальной съемки, так и определения координат по JPS. Далее – анализ их частных особенностей, статистическая обработка материала, выявление соотношений и связей, поиск кластеров и тенденций развития. Выявление курганов и могильников различного статуса, выделение среди могильников высокого статуса эталонных. Выявление региональных вариантов, локальных традиций крупных могильников, индивидуальных особенностей отдельных курганов высочайшего статуса. Синхронизация отдельных курганов и могильников по

различным признакам.

В своем исследовании мы, так или иначе, вынуждены исходить из ряда допущений, более или менее очевидных и не противоречащих наблюдаемым фактам.

1. Все «престижные» курганы принадлежат людям, имевшим в обществе четко определенный статус главы большой семьи, рода, клана.

2. Значимые инновации в курганном строительстве (новые строительные и конструктивные приемы, изменения планировочных схем и стилистического оформления) возникали и отрабатывались именно и только при строительстве курганов высокого статуса.

3. Распространение инноваций в строительстве курганов (по крайней мере, курганов высокого статуса) было очень быстрым, фактически, в пределах активной жизни одного поколения.

Тагарское общество, как и другие общества скифского мира – общество аристократическое, клановое, если угодно – протофеодальное. Среди знати такого общества статус и престиж как отдельного индивидуума, так и клана, который он представляет, репрезентируемые наглядными, понятными каждому члену общества знаками играют колоссальную роль. В процессе формирования и расслоения такой знати в Минусинской котловине, судя по труду и тщанию, вкладываемому в строительство индивидуальных «престижных» и «суперпрестижных», «вождевых» курганов, они являлись прежде всего такими знаками, символами как высокого положения в обществе отдельного индивидуума, так и знатности и мощи клана, к которому он принадлежал. На практике это вылилось в наблюдаемую нами «гонку за престижем», в которой, сообразно своему положению и статусу, участвовали все более или менее значительные кланы тагарской знати на протяжении первых этапов существования культуры. Относительно небольшие размеры территории (в эпоху максимального расширения ареала 450 км с севера на юг и 250 с запада на восток, несколько дневных конных переходов) обусловили тесную связь кланов высшей знати тагарского общества между собой, и, как следствие, быстрое распространение в их среде инноваций курганного строительства. Впоследствии эти инновации в той или иной степени использовались и при строительстве курганов менее знатных кланов и рядового населения.

Спокойные, даже «тепличные» условия существования в изолированной, «комнатной» степи Минусинской котловины, отсутствие масштабных военных коллизий способствовали относительной упорядоченности наследования социальных статусов. Аналогии в других обществах такого типа указывают на нормативность перехода главенства от отца к старшему сыну, при отсутствии, малолетстве или немогущности такового – к младшему брату или другому родственнику. Возможные споры разрешаются тем или иным путем. Не может быть исключена и выборность правителей – как правило, принадлежащих к одной, максимум – двум-трем генетическим линиям. В любом случае это не быстрая и довольно хаотичная смена лидеров в сумбуре перманентной войны. Сложнее все лишь во время *тигейско-салбыкского акме* (см. ниже), что лишь подчеркивает особенность этой самой яркой фазы тагарской культуры.

Это дает возможность выстраивать относительную хронологию курганов на крупных могильниках знати по поколениям. Разумеется, существует неопределенность наследования статуса сыном или младшим братом в каждом конкретном случае.

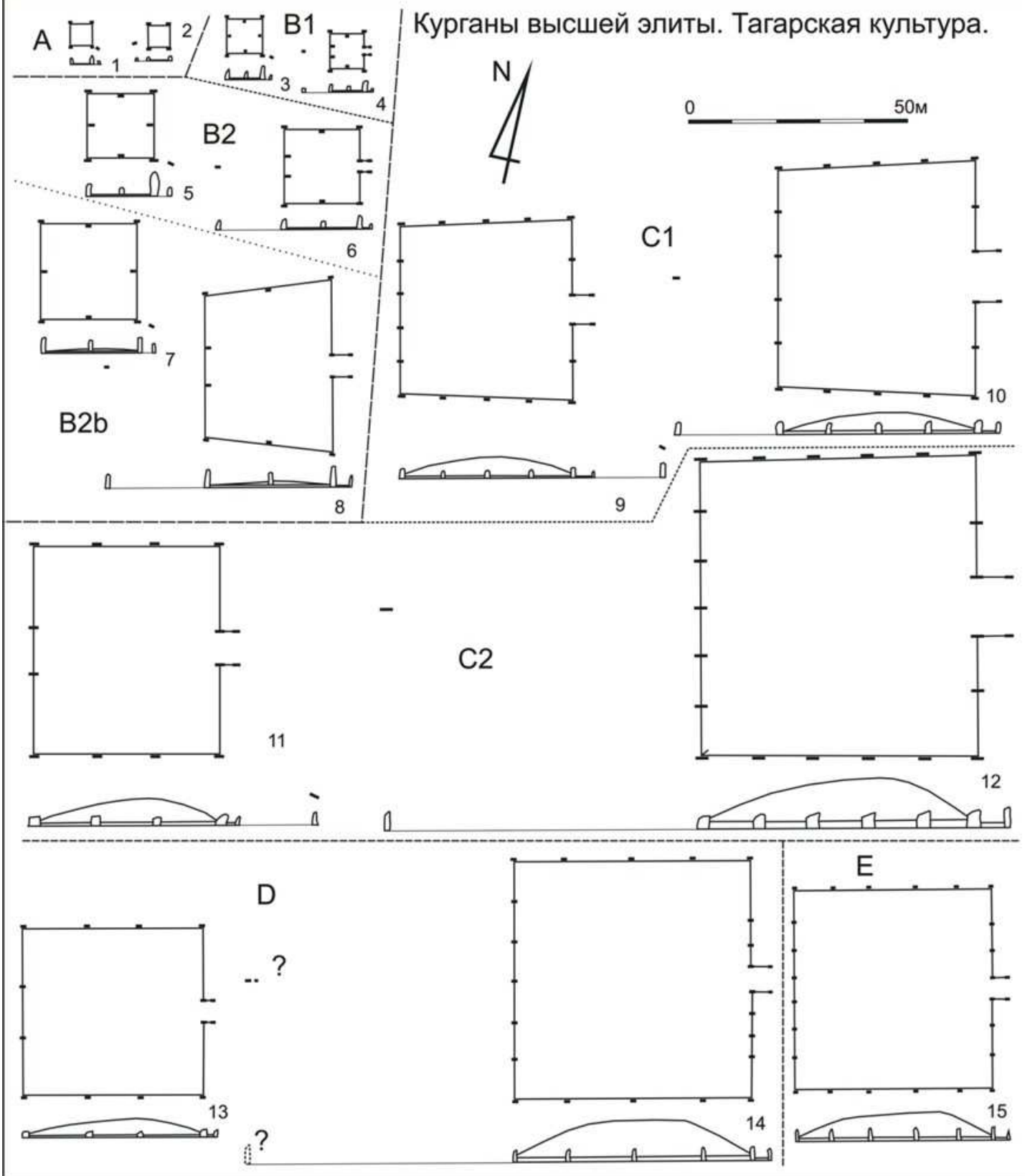
Вероятности тщательно анализируются, исходя из косвенных признаков. Мы считаем, что возможные погрешности при более или менее продолжительном (более 3 поколений) существовании могильника по большей части взаимокompенсируются.

Объем данной статьи, к сожалению, не дает возможности развернутой аргументации наших версий частных историй строительства того или иного могильника. Необходимый минимум аргументов будет приведен лишь в отношении ключевых эпизодов.

Отправная точка. Безусловно, общая планировочная схема кургана тагарской культуры возникает еще в карасукское время. Это подквадратная или подпрямоугольная ограда,

ориентированная по сторонам света с некоторым разворотом против часовой стрелки. Углы ограды в некоторых памятниках дополнительно акцентированы крупными камнями (5, с 54; 14, с 7; 19). Встречаются поздние пристройки к более ранним оградкам, «указатели могил» - вынесенные за западную сторону ограды перпендикулярные ей небольшие плиты, каменные ящички без погребений с восточной стороны кургана, отдельные вертикальные камни с востока. В преобразованном виде эти элементы, несомненно, послужили основой для формирования архитектурной концепции тагарских курганов, как престижных, так и рядовых.

Курганы высшей элиты. Тагарская культура.

Илл. 1. Эволюция тагарской курганной архитектуры.

А – формативная ступень. 1 – Усть-Таштып; 2 – Жемчужный.

В1 – бельтырская фаза. 3 – Апчинаев; 4 – Читыхыс. В2 – сафроновская фаза. 5 – Сафронов; 6 – Харатигей. В1b – сорайский горизонт. 7 – Сафронов; 8 – Узун-Оба.

С1 – тигейская фаза. 9 – Кизлас; 10 – Кара-Курген. С2 – салбыкская фаза. 11 – Кизлас; 12 – Салбык.

Д – постсалбыкская ступень. 13 – Кизлас; 14 – Барсучий Лог.

Е – тесинская ступень. 15 – Троицкое.

1, 3, 5, 7, 9, 11, 13 – «восточники»; 2, 4, 6, 8, 10, 12, 14, 15 – «западники». Схемы курганов (14, 15) приблизительны, составлены по имеющимся фотографиям.

Ступень А (архаическая или формативная) (илл. 1; 1-2; илл. 2; 1-3). На рубеже возникновения тагарской культуры формируется новая парадигма погребального сооружения. Ее инвариантна протяжении всего времени существования культуры – подквадратная, подпрямоугольная или слегка трапезиевидная каменная ограда с вертикальными плитами или стелами по углам, ориентированная по линии восток-северо-восток – запад-юго-запад (летний восход – зимний закат) //Прим.1. Ориентировка колеблется от SW-t-W – NO-t-O до W – O//. В эту фазу абсолютно преобладают четырехкаменные курганы. Размер их не превышает 5-6 м //Прим.2. Под размером ограды или кургана тагарской культуры мы понимаем среднюю длину стороны ограды//. Ограда относительно высокая, вкопана неглубоко. Буквально с самого момента возникновения культуры стелы курганов, возведенных по выдающимся людям, достигают в высоту человеческого роста или даже несколько более и представляют собой плиты из «дикого», «рваного» камня (архаический стиль) (илл.2; 3).

Могила – каменный ящик, редко сруб в центре кургана, ориентация соответствует общей для сооружения. Перекрытие – плиты или бревенчатый накат. Сверху может быть каменный панцирь или небольшой по мощности слой земли.

Признаки престижных курганов присутствуют, однако канон еще не сформирован. Выносные камни могут стоять с отклонением (илл. 1; 2; илл. 2; 2), прообраз ворот обозначается каменным ящиком с середины восточной стороны ограды.

Продолжается карасукская традиция пристроек более поздних погребальных оград к более ранним. Единая схема пристроек не просматривается, есть лишь тяготение их к юго-восточному сектору.

Все без исключения курганы этого времени расположены недалеко от скальных выходов, у подножия гор или небольших увалов, в небольших логах между ними.

Выдающиеся по размерам курганы, в том числе и с «престижными» признаками находятся среди рядовых. Особых локусов для их размещения не выделяется.

С курганов архаической ступени закладываются многие могильники по всей

Минусинской котловине – могильники у Жемчужного, под Барстагом, в горном течении Уйбата, под Аевом, в долинах Камышты, Аскиза, Еси, ряд кластеров Могильной степи. Большинство их продолжает впоследствии свое существование в качестве могильников рядового населения. Определенным ориентиром продолжительность ступени А может стать ранний могильник у села Усть-Таштып, состоящий из трех кластеров. Каждый из этих кластеров представляет собой один престижный курган весьма архаичного облика и десять-двадцать небольших оградок, в том числе даже без вертикальных стел. Очень вероятно, что на каждом из этих могильников хоронилось одно из поколений рода. Раскопки проводились << Е. Д. Паульсом >> на курганах среднего кластера и дали очень архаичный материал. Схожую картину дает могильник у поселка Жемчужный, где среди совсем архаичных курганов в маленьких ложках нами встречено три престижных.

Три, максимум, четыре поколения. Исходя из общекультурных соображений, такая длительность формативной ступени представляется вполне приемлемой. Это в целом совпадает с числом наблюдаемых нами оград подобного облика на раннетагарских могильниках, в том числе и на тех, которые долгое время существовали после этого.

Несомненно, перед нами самое начало преобразования родового общества. Новые идеи, сформировавшие тагарскую культуру, уже пришли, но еще не успели принести своих плодов. «Большие» люди, характерные для героических эпох, уже появились, но собственная инаковость, отличие от простолюдинов, ими еще не до конца осознаны. Их курганы уже существенно отличаются от рядовых, но находятся на тех же могильниках.

Нередко высказывалось мнение о том, что определенные соответствия тагарской архитектуре курганов, равно, впрочем, как и некоторым другим элементам культуры, имеются в культурах поздней бронзы Казахстана (Бегазы, Северный Тагискен), Монголии (плиточные могилы, херексуры) (21, с 48; 25, с 212; 18, с 126). Вопрос о прямой миграции населения, вместе с посткарасукскими автохтонами сформировавшего в Минусинской котловине тагарскую культуру, остается открытым, однако влияние извне представляется несомненным. «Скифский мир», его идеология, этика, психология, военное дело, хозяйственный уклад, образы искусства никоим образом не могли самостоятельно появиться на территории Минусинской котловины. Да и самые ранние престижные курганы тагарской культуры – это уже принципиально иной, принадлежащий новому миру феномен, нежели чем даже самые большие по размерам ограды поздней бронзы.

Что главное в изменении на рубеже эпох архитектурной идеи, воплощенной в погребальных сооружениях? Появление вертикалей, в том числе достаточно мощных, и, как следствие, архитектурного объема. Курган значительного человека с самого начала эпохи привлекает внимание издалека. Вблизи он еще не подавляет, но уже, скажем, заставляет отдать должное человеку, в память о котором он построен. Это уже архитектурный памятник, мавзолей, мемориал. Эпоха сменилась необратимо, и идеи, пока лишь просматривающиеся в

курганах и могильниках формативной ступени, в дальнейшем станут общепринятыми.

Сорай

Жемчужный

Ступень А

Барстаг

“внутренняя” (а) и “разрезная” (b) промежуточные стелы

Архитектурный канон престижных раннетагарских курганов

Бельтыры

Читыхыс

Сорай

Фаза B1

Илл.2. Возникновение канонов тагарской курганной архитектуры. Формирование местных элит.

Ранний тагар. Ступень В. Фаза В1 (бельтирская) (илл. 1; 3-4; илл 2; 6-8). С началом ступени В мы уже имеем дело с полностью сформировавшейся архитектурной традицией. Инвариант остается – прямоугольная ограда с вертикальными камнями по углам. Вот только четырехкаменные курганы уже сооружаются только на рядовых могильниках, составляя, впрочем, даже там меньшинство. К концу ступени В строить их практически прекращают даже самые захудалые общины.

При увеличении размеров кургана (размер престижных курганов этой фазы достигает 8-9 м) для сохранения впечатления целостности архитектурного объема тагарские зодчие начинают ставить промежуточные стелы по сторонам курганов. Через непродолжительное время этот прием распространяется и на рядовые ограды. Число промежуточных стел зависит от сформировавшегося к этому моменту архитектурного канона престижного кургана. Таких канонов во всем ареале тагарской культуры два (илл. 2; 5).

На большей части Минусинской котловины это десятикаменный курган с воротами (входом) с восточной стороны ограды и выносным камнем к западу от кургана. По расположению выносного камня подобные курганы у нас получили название «западники». Поскольку этот канон не меняется на протяжении многих поколений, рассмотрим его подробнее.

Ворота представляют собой небольшую прямоугольную пристройку к ограде точно посередине восточной стороны кургана. В местах стыка ее с оградой и в вынесенных вперед от ограды углах ставятся четыре вертикальные стелы //Прим.3 . Этот архитектурный элемент в литературе обычно называют входом. Термин ворота предпочтительнее по следующим причинам: 1) не возникает путаницы со входом в склеп, у более поздних тагарских курганов располагающегося с противоположной, западной стороны; 2) он подчеркивает имеющееся архитектурное оформление разрыва в ограде; 3) термин семантически нейтрален в отношении направления движения, т. к. по отношению к погребенному данный конструктивный элемент является выходом//.

Выносной камень ставится напротив середины западной стороны ограды на расстоянии, примерно равном длине ее стороны.

Напротив ворот по западной стороне ограды ставятся также две стелы. По северной и южной сторонам кургана ставится по одной промежуточной стеле.

Таким образом, непосредственно в ограде стоит десять камней – четыре угловых, по два промежуточных с восточной и западной сторон, по одному – с северной и южной. В престижных курганах к десяти камням, непосредственно стоящим в ограде добавляется еще три за ее пределами – два у передней стороны ворот и выносной камень.

Промежуточные и добавочные стелы, как правило, несколько меньше угловых. По расположению в ограде в раннетагарское время почти все они относятся к внутренним. Другой тип промежуточных стел – разрезные – начинает преобладать на следующей ступени С (илл 2; 4). Общая форма стел бывает двух основных типов – подпрямоугольные и трапецевидные, восточная сторона которых выше западной. В одном кургане часто сочетаются стелы разных типов.

Это придает архитектурному образу кургана динамику, которая позднее подчеркивается асимметричностью самой насыпи, восточный склон которой также делается круче. В результате курган, особенно крупный престижник, выглядит стремящимся к восходящему солнцу.

Поэтому мы впредь будем называть восточную сторону кургана фронтальной, западную – тыловой, северную и южную – боковыми. В устоявшемся каноне престижных одномогильных курганов фронтальная сторона несколько длиннее тыловой, боковые примерно равны последней. Если курган изначально строился на две могилы, боковые стороны, естественно, будут существенно короче.

Последовательно через выносной камень, середину тыловой стороны, центральную могилу

(позже – склеп) и ворота проходит главная архитектурная ось кургана.

Другим каноном, распространенном, за редчайшими исключениями, лишь в юго-западном районе Хакасии (Могильная степь по Абакану, долины Еси, Теи, Соса, Табата), является восьмикаменный курган с выносным камнем у юго-восточного угла ограды. Выносной камень стоит на небольшом расстоянии (1-3 метра) от угла и ориентирован на восток. Ворота отсутствуют. По расположению выносного камня такие курганы получили у нас название «восточники».

Различий в вещевом материале между западниками и восточниками мы пока не отмечаем. Однако устойчивое существование с самого начала тагарской культуры двух разных архитектурных канонов предполагает, по меньшей мере, различные нюансы религиозно-магических идей, лежащих в основе планировки кургана у носителей этих традиций. Вероятно, эти идеи восходят к более раннему времени.

В соответствии с количеством статусных погребений в том и в другом каноне выносных камней может быть два или даже три. У западников они стоят на одном расстоянии от тыловой стороны ограды параллельно друг другу, у восточников – последовательно от юго-восточного угла.

Очень быстро десятикаменные курганы у западников и восьмикаменные у восточников начинают преобладать и на рядовых могильниках. Часто последующие рядовые курганы пристраиваются к боковым сторонам предыдущих. Сторона кургана, к которой делается пристройка, зависит от положения погребенного в основном захоронении – по левую руку от него. Соответственно, при восточной ориентировке покойного пристройка делается с юга, при западной – с севера. Всего таких пристроенных друг к другу оград может быть до 8. В результате получается длинное, до 40-50 метров по оси север-юг сооружение, на жаргоне археологов Минусы называемое «трамваем».

Несколько возрастает высота стел (до 3 м). Форма их достаточно разнообразная, иногда даже фантазийная. Высота ограды постепенно уменьшается, насыпи – увеличивается за счет большей мощности каменного панциря и перекрывающего его грунта. Впрочем, это общий постепенный тренд для всех трех фаз раннего тагара. Принципы устройства могилы практически не меняются.

Зато очень яркое и значимое изменение – обособление статусных могильников, состоящих из престижных курганов.

Закладка новых и строительство возникших ранее родовых могильников продолжают. На них даже возводятся престижные курганы. С течением времени избранный участок местности плотно застраивается. Можно выделить отдельные группы или ряды сооружений, однако, эти кластеры находятся настолько близко друг к другу, что со стороны могильник воспринимается, как единое целое, компактный массив.

Наиболее крупные же престижные курганы («большие престижники») этой фазы находятся в составе компактных групп. Эти группы расположены или на ином участке рельефа, или через реку, или просто на отдалении в несколько сот метров от родового могильника, образуя отдельный локус. Курган может быть одиночным или сопровождаться одним или несколькими «непрестижными» курганами-спутниками. Следующая компактная группа возводится на некотором расстоянии (обычно 50-200 м) в пределах той же формы рельефа. В иных случаях для строительства отдельного статусного могильника выделяется особое ограниченное пространство. Тогда в нем каждая компактная группа образует отдельный кластер (илл. 2; 7; илл 3; 1,2,9).

Налицо следующий этап социальной дифференциации. В фазе В1 старая родовая верхушка продолжает существовать («малые престижники» компактных массивов рядовых могильников). Однако, уже сформировалась и осознала свою «инаковость», новая элита, элита клановая, протофеодалная, люди иной породы, для которых взаимоотношения с себе подобными будут играть значительно большую роль, нежели связи с общинами, из чьего лона они вышли. Сама эта новая элита в это время еще недифференцирована по социальным рангам. Престижные курганы первых кластеров Сафронова, ранних кластеров или

компактных групп Уйбата, Анчил-чона, Бельтыр, Апчиноева, Кутень-Булука, Кюргеннера или Барстага, почти не отличаются по размерам ограды. Харизма погребенных в них, престиж их кланов отражаются в высоте стел, нередко в их фантазийной форме. Это предшественники ранговой знати, «колпаконосцев», среди них наверняка есть «авторитеты», «харизматики», но титулованных кланов, происхождение из которых автоматически ставило бы на уровень выше прочих аристократов, пока нет, во всяком случае, курганная архитектура не дает никаких оснований для их выделения. Это – «хозяева здешних мест», именно и только мест, не территорий. Локальные элиты.

Судя по упомянутым могильникам, продолжительность этой фазы около трех-четырех поколений.

Фаза В2 (сафроновская). «Княжеские» курганы (илл. 1; 5,6; илл. 3). Это фаза блестящего расцвета раннетагарского курганного зодчества. Каноны остаются прежними, общие принципы устройства могилы – тоже. Основные изменения, позволяющие нам отделить эту фазу от предыдущей, связаны с социальным развитием. Ярчайший пример – могильник у Сафронова улуса.

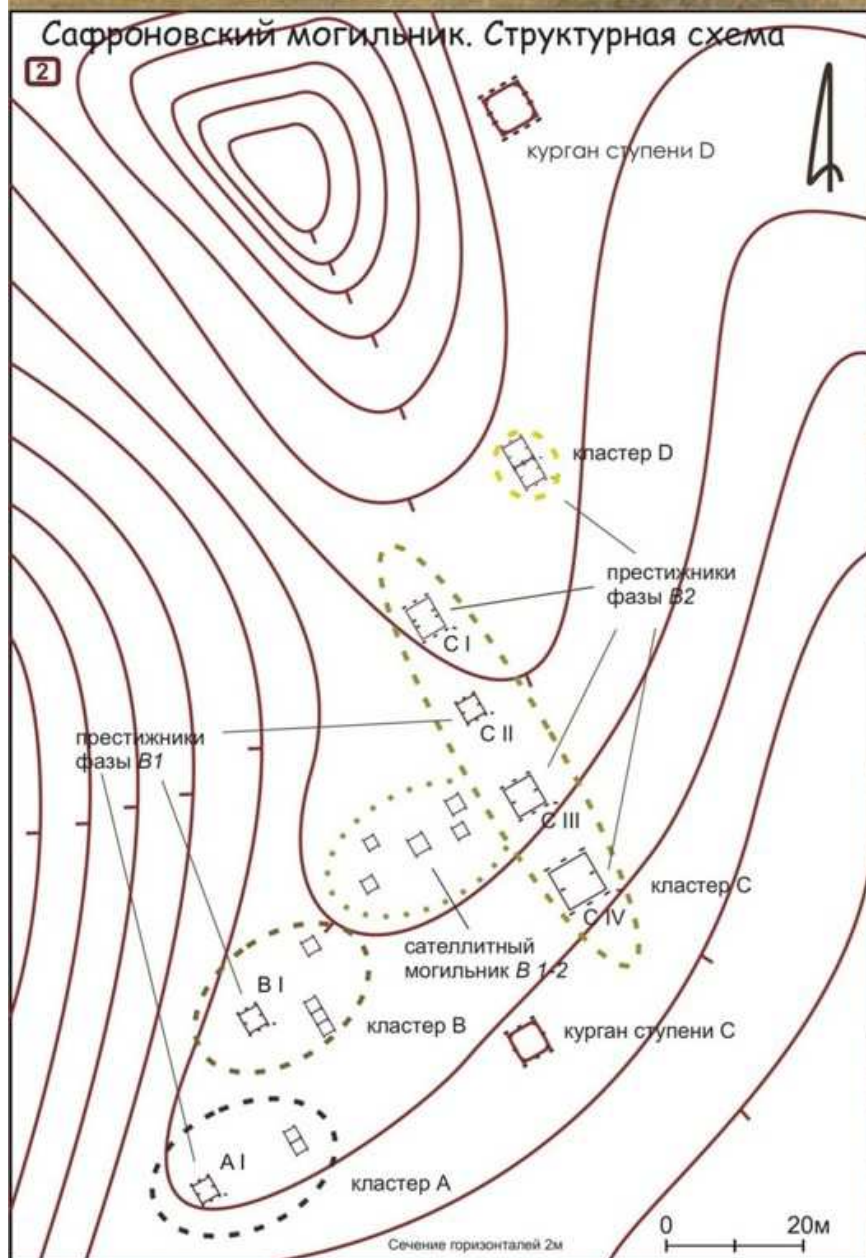
1

Сафроновский могильник. Вид с запада.

2

Сафроновский могильник. Структурная схема

3

курган А I

4

курган В I

5

курган С II

6

курган С I

7

курган С III

3

курган С IV

9

Сафроновский могильник. Вид с юга.

Илл. 3. Сафроновский могильник. От местной элиты к «княжескому дому» юго-востока котловины.

Этот эталонный для всей ступени В могильник «восточников» расположен по террасам северного берега реки Еси (илл.3; 9). На низких террасах находятся курганы рядового населения. У бровки высокой террасы, доминируя над всей остальной частью могильника, последовательно возводились престижные курганы (илл.3; 1,2). Подобному кургану сопутствовали несколько рядовых оградок, вместе с ним образуя кластер.

В течении фазы В1 строятся престижники первых двух кластеров (Сафронов А, Сафронов В) и престижный курган Сафронов С II (у последнего выносной камень не сохранился, однако, размерность, форма стел и т. д. позволяют считать его престижным с высокой вероятностью) (илл. 3; 3-5). Все они восьмикаменники, размерами 7-9 м. Высота угловых стел от 1,7 м (Сафронов А) до 2,5 м (Сафронов С II). Для статусного могильника этого времени ситуация совершенно стандартная. Мы можем с очень большой долей уверенности говорить о трех поколениях глав знатного и влиятельного местного клана. Подобные могильники строятся в это время по всей Хакасии, ближайшие из них находятся от Сафронова всего в 5-10 км. Однако после строительства Сафронова С II последующие престижные курганы не образуют отдельные кластеры, а выстраиваются в единый ряд – прием, характерный скорее для обычных родовых могильников (илл.3; 1). Вот только в этом ряду стоят не стандартные «непрестижные» погребальные ограды, а «суперпрестижные», «княжеские» курганы размерами 15-22 м и со стелами высотой до 6 метров //Прим.4. Эти курганы также называют «вождевыми». Однако, этот термин скорее относится к родовому обществу предыдущих эпох. Правильней всего, на наш взгляд, было бы называть их княжескими, имея в виду первый исторически фиксированный этап существования слова *konungr*, коназ. В Норвегии до объединения страны было несколько десятков конунгов, на Руси также известны подобные князья и князьки, иногда правившие территорией размером всего в несколько десятков кв. км. Н. А. Боковенко в описании кургана подобного статуса на смежной территории долины Уса использует термин «княжеский» («tomb of Saka princes», (28)), так что прецедент уже имеется, и мы ему следуем, в силу дискуссионности термина закавычивая слово//. Второй курган в погребальном ряду (упомянутый нами Сафронов С II) по стилистическим особенностям заметно более ранний, четвертый (Сафронов С IV) (илл. 3; 8) столь же заметно более поздний. Первый и третий курганы (Сафронов С I, С III) (илл. 3; 6, 7), самые яркие в могильнике, с огромными стелами в юго-восточном углу, мало отличаются по стилистике, хотя третий и выглядит чуть более поздним. Стоя по разные стороны начального, второго кургана, они могут быть как двумя братьями, так и принадлежать к последовательным двум поколениям. Четвертый же кластер (Сафронов D) еще более необычен – это «престижный трамвай» из двух пристроенных друг к другу престижных погребальных оград размером около 10 м, по стилю приблизительно одновременных с первым и третьим «суперпрестижниками» главного могильного ряда.

Таким образом, мы имеем пять-шесть поколений «больших престижников», явно принадлежащих одному клану. В течение фазы В1, включающей три поколения, это стандартный могильник местной знати. Во время последующих двух-трех поколений – фазы В2 – погребальный комплекс Сафроновского «дома» в этом углу Минусинской котловины уже особый феномен. Так, мы знаем в округе лишь один курган, не уступающий по размерам и яркости архитектурного образа – Большой Онхаковский курган (илл. 4; 3), «княжеский» курган одного из кластеров Могильной степи.

Сафроновский могильник уникален сохранностью своей погребальной архитектуры. Но вообще подобные «княжеские» курганы в фазу В2 начинают строить по всей Минусинской котловине. База, Харатигей, Камышта, Уйбат-Хулган, Кутень-булук, Шира, Тарпиг, Ораки, Тургужак – вот лишь немногие могильники, на которых появляются курганы, на порядок более крупные, чем ранее. Даже в сравнении с синхронными им обычными престижниками

компактных групп они смотрятся матерыми волкодавами среди дворовых жучек и тузиков. Это – следующий ранг в социальной иерархии, династические могильники «княжеских домов», если не по формальному титулу захороненных в них, то по реальному влиянию на происходящее. Именно в это время мы начинаем не только видеть общие явления, но и различать происходившие в их рамках (и, в свою очередь, формирующие их) частные события.

Прежде всего, усиливаются взаимосвязи и взаимовлияния высшей элиты в пределах всей котловины. У «княжеских» курганов «западников» самая высокая стела ставится в юго-восточном углу, что характерно для курганов «восточников». В свою очередь, в Сафронове С I и Большом Онхаковском кургане выносные камни с востока и характерное для этого варианта отсутствие ворот сочетаются с десятью камнями в ограде.

Именно при строительстве «княжеских» курганов фазы В2 тагарские зодчие впервые начинают не просто возводить курганы больших размеров, но, в пределах принятых канонов, игрой пропорций и форм создавать яркие, глубоко индивидуальные архитектурные образы. Большой престижный ряд Сафронова, Большой Онхаковский курган, суперпрестижники Уйбат-Хулгана, Кутень-Булука, Харатигея уже являются полноценными произведениями искусства (илл.4; 1-4). Эта традиция художественных экспериментов будет продолжена позднее.

В начале фазы В2 происходит выброс «восточников» на север. Один из их «княжеских» курганов - Уйбат-Хулган – раскопан Н. Ю. Кузьминым в долине Уйбата в его горном течении (илл. 4; 1) //Прим.5. У Кузьмина Н. Ю., раскопавшего этот могильник, в отчете он носит название Багульная. Однако, стела из этого кургана до того была опубликована Л. Р. Кызласовым, как стела из могильника Уйбат-Хулган (13, с 253). В публикации (30) он имеет название «курган возле горы с русским названием Багульная, по хакаски – Хулган». Все это позволяет использовать название Уйбат-Хулган для данного могильника. Выносной камень у кургана не сохранился, однако, восьмикаменный канон, размеры (18 X 17 м, высота стел до 2,8 м) и наличие в данном микрорайоне достоверных престижных курганов «восточников» позволяют с достаточной степенью уверенности предполагать, что он первоначально был//. Недалеко от него, на западе Баргаяковского поля нам известны два престижника поменьше. Еще дальше к северу, на Июсах и в Озерном крае, появляются восьмикаменники без престижных признаков, но довольно крупных размеров. Совпадение этого импульса с возвышением Сафроновского и иных «княжеских домов» может указывать на возможный уход из своего ареала той части «восточников», которую не устраивал подобный оборот событий. << В 2009 году престижные курганы «восточников» этого времени были обнаружены мной в Катувом логу к северу от долины Камышты. Это примерно полпути между уйбатским «анклавом» и основным ареалом «восточников» >>.

На Уйбате обилие гранитов, которые выламываются из скал не плитами, а подквадратными в поперечном сечении длинными параллелограммами – «obeliskами», к этому времени сформировало новую эстетику. Теперь и из плитняка стали делать узкие стелы правильных геометрических форм с параллельными гранями – «ножи» (Илл. 4; 1,4). И уже в Сафронове С III и Большом Онхаковском кургане мы видим подобные стелы. Сафронов С IV же целиком построен в эстетике уйбатского стиля обелисков – ножей. Этот стиль, распространяющийся в это время по всей Минусинской котловине, помимо формы стел отличается от архаики менее мощной и высокой оградой. На севере котловины ставятся схожие стелы, но, как и до этого, пропорционально более низкие.

Это дает возможность выделить в пределах фазы В2 две стадии или горизонта – В2а с курганами, оформленными в прежней эстетике архаического стиля с фигурными стелами и В2b – курганов в стиле обелисков-ножей (илл. 1; 7,8; илл.3; 8; илл 4; 4-6). Правда, эти горизонты будут выглядеть достаточно выпукло лишь на специфическом материале «княжеских» курганов того времени. Уже у обычных престижных курганов различия менее очевидны, причем существует определенное запаздывание признаков (об этом более подробно далее). У рядовых погребальных оград различия еще более затушеваны. В

особенности это касается малых могильников из одной или нескольких оград, вероятно, принадлежащих одному – двум поколениям каких-то отделившихся ветвей крупных родов. Динамику изменений в архитектуре там проследить невозможно и мы зачастую можем датировать их лишь в пределах той или иной ступени.

Погребальный обряд и устройство могилы во время фазы B2 в целом остаются прежними. Однако, беспрецедентное увеличение размеров кургана приводит к частичному отказу от существовавшего ранее принципа конструктивной сопряженности, согласно которому размеры ограды совпадают с размерами перекрытого каменным панцирем выкида из могилы, высота определяется высотой панциря, поверх которого лежит небольшой слой дерна или земли, а ширина ворот – размером могилы. Теперь ограда «отрывается» от сосредоточенного в центре, над могилой каменного панциря. В единственном раскопанном согласно современным методическим требованиям «княжеском» кургане этого времени – Уйбат-Хулгане – каменный панцирь уже обнесен отдельной подквадратной оградой из крупных валунов, образуя надмогильное сооружение – прообраз подобных сооружений над склепами более позднего времени (илл. 4; 1) (30).

Важный психологический момент. В открытой степи и ранее строились курганы. Однако, все они были привязаны к небольшим логам, озерным котловинам, подножиям увалов, небольшим перевальчикам, иными словами – уютным местам небольшого пространственного масштаба. «Княжеские» курганы сафроновской фазы – ранний Баргаяков, Кутень-Бурук, Хурлана – начинают появляться в открытой степи на участках с неограниченным обзором, демонстрируя всему миру значимость покойного.

Фаза B2 – время возвышения княжеских домов и соперничества между ними. <<Если судить по масштабу погребальных сооружений, к концу этой фазы – горизонту B2b – преобладание, если не гегемония, переходит к кланам Восточного Сахсара и Уйбатской степи. Здесь уже после смерти Е. Д. Паульса мной был обследован могильник Сорай, с тремя «княжескими» курганами в стиле «obelisk-ножей», относящимися к одному-двум поколениям и имеющих размеры 20, 28 и 31,5 м по фронтальной стороне (илл. 4; 5). Описание его будет сделано в последующей работе, пока отметим, что этот могильник несомненно является эталонным практически для всего раннетагарского времени и горизонт B2b впредь мы будем называть сорайским.>>

Курган, в котором похоронен человек, подведший черту под эпохой, раскопан еще А. В. Адриановым. Это Узун-Оба (илл. 4; 6). Канонический престижный десятикаменный курган «западников» со стелами-«ножами» 3,5-4,5 м высотой и невысокой, 1,2 м насыпью, он мог бы служить образцом классического «княжеского» кургана конца фазы B2b, если бы не его размеры – 39 м по фронтальной стороне, 32 по тыловой и 29 по боковым. Это в полтора-два раза превышает величину самых больших синхронных «княжеских» курганов Сафронова С IV, Кутень-Булука и Базы, равно, как и стоящего неподалеку кургана его близкого родственника.

Могила большая, но еще совершенно стандартно устроена (1; с 56). Было ли в Узун-Обе какое-либо надмогильное сооружение – сказать трудно. Первоклассный памятник нуждается в доисследовании, возможно, с элементами реставрации.

Узун-Обой заканчивается строительство раннетагарских «княжеских» курганов в центральной части Минусинской котловины. В периферийных регионах, в особенности на локальных могильниках престижные курганы подобного облика, возможно, строятся еще одно-два поколения, вряд ли больше. Наступает не просто следующая фаза. Наступает новая эпоха с новым типом памятников.

Илл. 4. «Смена вех» строителей курганов высшей элиты. От раннетагарских могил в ограде к подкурганым индивидуальным склепам эпохи акме.

Акме. Ступень С. Фаза С1 (тигейская) (илл. 1; 9,10; илл 4; 7-9; илл 5; 2-10; илл. 7; 1-3). Высокий статус покойных требует не просто соорудить для него могилу чуть больше человеческого роста и разместить там инвентарь и остатки тризны. Уже в Узун-Обе мы имеем дело, по сути, не с могилой, а с приличной погребальной камерой 3 X 4,5 метра. Могила там ограблена дочи́ста, однако находки из близких по времени других престижных курганов позволяют с уверенностью предполагать наличие погребального ложа и сложное символическое размещение богатого инвентаря. Сооружение перекрытия могилы таких размеров после помещения туда покойного может обернуться нежелательными казусами, серьезно нарушающими ход церемонии похорон. Склеп, в который покойного кладут уже после того, как он полностью сооружен, позволяет этого избежать. Поэтому мы полагаем, что, хотя склепы в скифском мире «большой степи» известны с эпохи поздней бронзы, для начала их строительства в престижных курганах тагарской культуры внешние влияния совершенно не обязательны. Хотя информация извне могла играть некую роль, переход к сооружению склепов логично вытекает просто из увеличения масштабов погребальных комплексов.

После Узун-Обы «суперпрестижники» Минусинской котловины сооружаются по новым принципам. Согласно современным методикам раскопан только один из таких курганов – Тигей. Поэтому подобные курганы, строившиеся на протяжении трех-четырех поколений, получили у нас название курганы тигейского типа, а само время их сооружения – тигейской фазы.

Курган Тигей (в нашей номенклатуре Тигей I) был сооружен как престижный десятикаменник «западников» с оградой 34 X 28 м, перекрытой после совершения погребения насыпью высотой более 2,7 м. Само погребение представляло собой склеп. Могила 3,5 X 4 м была перекрыта двумя рядами бревен и каменно-земляным надмогильным сооружением общими размерами 9 X 12 м и высотой около 1,8 м. Лаз в могилу, по которому в склеп внесли покойного, находился по центру западной стороны сооружения. Могила, разумеется, ограблена, но среди сохранившихся вещей встречены бляхи со свернувшимся хищником и навершие столбика погребального ложа (20).

Перед нами памятник нового типа. Во-первых, это склеп. Во-вторых, архитектурный объем здесь создается уже не стелами (их высота не превышает 2,3 м) а насыпью. В третьих, именно с подобных курганов начинается строительство статусных могильников нового типа и масштаба – больших рассредоточенных династических курганных полей открытых пространств (илл. 5; 1; илл. 6).

Для понимания социальных процессов этого времени экстраординарно важно, что эти новые курганные поля в открытой степи принципиально никак не связаны ни с предшествующими, в том числе и престижными могильниками, ни с синхронными им локальными. Люди, погребенные здесь, уже не просто обозначают свой особый статус, а вообще не желают иметь ничего общего с простолюдинами, похороненными на общих родовых могильниках. Подле себя позволяет хоронить только «ближних слуг», их небольшие курганы образуют сопутствующие главному кургану сателлитные могильники (илл. 6). В некоторых случаях строительство новых насыпей на сателлитных могильниках продолжается несколько поколений.

Кланы высшей элиты окончательно сформировались как особая страта общества. Каждый из погребенных в больших курганах этих полей – сверхчеловек своего времени и для него значимы только связи с себе подобными.

Среди таких погребальных полей выделяется несколько особого статуса.

Уйбатское кластерное курганное поле. «Царское» погребальное поле тигейской фазы.

Расположено по северному берегу реки Уйбат и состоит из трех кластеров, отделенных друг

от друга расстоянием в 8-10 км – Узун-Оба, Кара-Курген, Тигей.

Салбыкское курганное поле. Расположено на севере Уйбатской степи у подножия Косинского хребта. Начинается в тигейское время, в следующую фазу строится как «царское» курганное поле (илл. 6).

Баргаяковское курганное поле. Расположено на западе Уйбатской степи к северу от реки Уйбат. Эталонный «княжеский» могильник тигейского времени (илл. 5)

Кизласское курганное поле. Курганное поле «малых царей» (см. далее) на юго-западе Минусинской котловины, в долине реки Есь.

Туимское курганное поле. Расположено на севере Минусинской котловины в долине реки Туим. «Княжеский» могильник севера.

Ширинское курганное поле. Расположено на севере Минусинской котловины вблизи озера Шира. Могильник «малых царей» севера.

Все курганы тигейского типа – погребальные памятники высшей аристократической элиты.

Внутри самой этой элиты уже существует четкая иерархия. Размеры курганов тигейского типа, особенно в Уйбатской степи – явном потестарном центре Минусинской котловины в это время – группируются вокруг трех стандартов. Наиболее распространен стандарт около 30 метров – собственно тигейский стандарт. Это «рядовые» представители этой высшей элиты, ее «низший ранг» – колпаконосцы. Курганы размером около 40 метров

– княжеского стандарта – встречаются лишь на нескольких могильниках. Наконец, в курганах размером около 50 метров погребены племенные «цари» (если угодно – «царьки») – рексы.

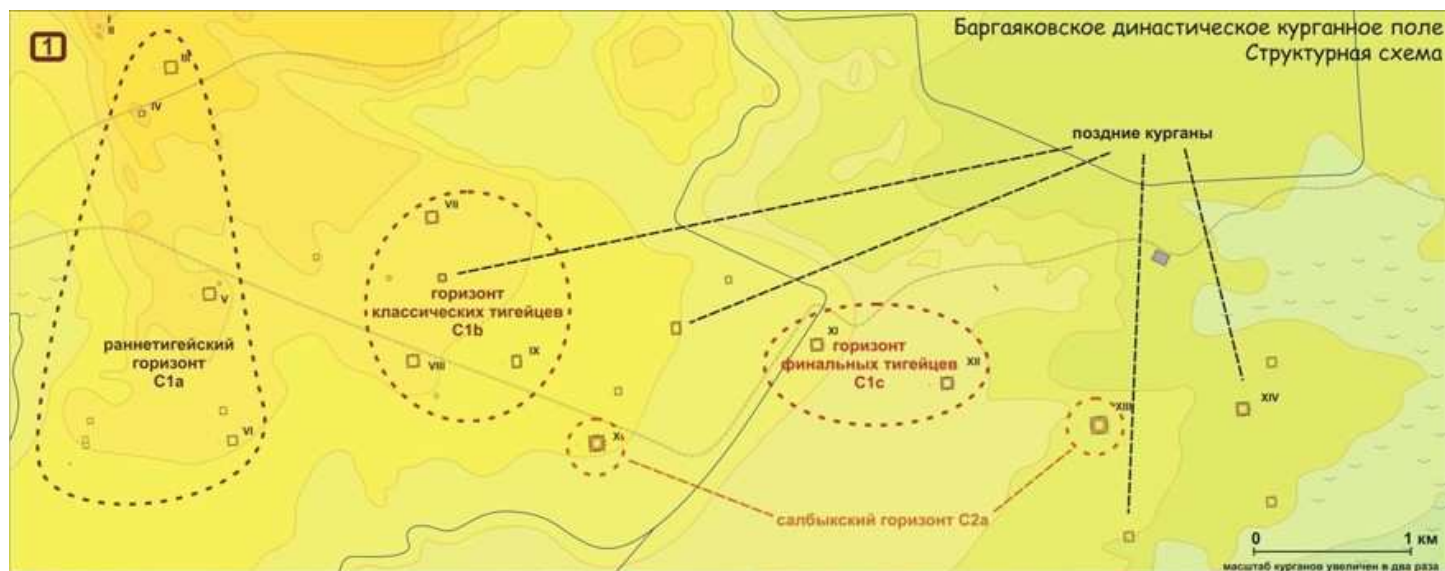
Такие курганы в тигейское время есть лишь на двух полях – Уйбатском кластерном и Салбыкском. На севере котловины курганы тигейского типа несколько меньше по размерам, хотя стандарты для различных рангов элиты, похоже, существуют и здесь. Высший стандарт здесь 35-40 м, низший – 24-28. На юге ситуация менее ясная и требует дополнительных исследований //Прим.6. Мы полагаем, что для курганов элиты ступени С тагарской культуры вполне работает несколько скорректированная применительно к местным условиям общая модель, предложенная Ю. В. Болтриком для курганов степной Скифии второй половины IV в. до н. э., в основе которой – известное высказывание Лукиана Самосатского в новелле «Скиф или Гость» (4; 22). При этом за несколько поколений, к середине-концу тигейской фазы все «князья» - правители отдельных областей с помощью династических браков превращаются в «родственников царя», образуя вместе с «колпаконосцами» ранговую знать тагарского общества. На это указывает интенсивное смешение региональных и локальных архитектурных традиций (см. ниже). Для этой ранговой знати ступени С мы считаем возможным использование термина нобилитет, несмотря на его прогнозируемую дискуссионность//.

Для курганов высочайшего статуса модифицируется классический десятикаменный канон. По каждой стороне ставятся две дополнительных стелы.

Получается восемнадцатикаменный престижный курган, становящийся каноничным для погребения рексов. В Уйбатской степи три таких кургана, по размерам соответствующих «царскому» стандарту – Тигей II, Кара-Курген I и рекс северного увала Салбыка – Салбык I (илл. 4; 8; илл. 7; 7). Еще два восемнадцатикаменника находятся на Ширинском и один на Кизласском курганном поле. Там они по размерам соответствуют княжескому стандарту, впрочем, синхронных более крупных курганов на севере и юге Минусинской котловины нет. Однако, среди «суперпрестижников» тигейской фазы есть как минимум один пятидесятиметровый десятикаменник на Салбыкском поле и один десятикаменник, совпадающий по размерам с «малыми рексами» севера на Туимском. Оба этих кургана – великолепно индивидуального архитектурного оформления (илл 4; 9; илл. 7; 3). Поэтому пока не совсем ясно, отражает ли восемнадцатикаменный канон определенный нюанс в статусе или принадлежность к «царскому» клану Уйбатской степи.

На эталонном для тигейской фазы Баргаяковском курганном поле (илл. 5) княжеского клана запада Уйбатской степи находится девять курганов этого времени, построенных по десятикаменному престижному канону – шесть «князей» и три «колпаконосца»,

принадлежащих, по нашему мнению, примерно к четырем последовательным поколениям. Эволюция архитектурных особенностей этих курганов позволила выделить три горизонта престижных курганов тигейского типа. Материалы других могильников подтверждают этот вывод или не противоречат ему.

Илл. 5. Баргаяковское династическое курганное поле эпохи акме. Становление нового архитектурного облика тагарских курганов.

Раннетигейский горизонт C1a. В курганах тигейского типа этого горизонта еще в целом соблюдается принцип конструктивной сопряженности высоты кургана с мощностью бревенчатого наката и надмогильного сооружения над склепом. Соответственно, высота курганов стандарта «колпаконосцев» колеблется в пределах 1,4 – 1,7 м, «княжеского» стандарта – 1,8 – 2,0 (соотношение высоты кургана к его размеру 0,05 – 0,07). Высота стел примерно равна высоте насыпи, иногда они чуть выше, иногда – ниже. Таким образом, архитектурный объем уже создается насыпью, но в общем абрисе сооружения стелы играют еще значительную роль. Сами стелы становятся более приземистыми по пропорциям, но форма обелиска сохраняется, так как высота их еще заметно больше длины. А вот ширина ворот, в особенности у курганов высокого статуса уже существенно превышает ширину могилы, достигая 8 метров. Вероятно, они уже сопрягаются с размерами надмогильного сооружения в целом.

Помимо западного увала Баргаяковского поля (два «князя» и два «колпаконосца», одно поколение) ((к III-VI (номера на плане на илл. 5; 1); илл. 4; 7; илл 5; 2-4), курганы этого горизонта достоверно присутствуют на крупных полях центра Минусинской котловины. Именно к раннетигейским памятникам относится первый «царский» восемнадцатикаменник Тигей II размером 50 и высотой 2,6 м. Судя по высоте насыпи, здесь надмогильное сооружение уже было перекрыто значительным слоем земли. В соседнем кластере Уйбатского поля в это время возводится «княжеский» Кара-Курген II, в котором погребен, вероятно, отец следующего рекса Минусинской котловины. Вероятно, к самому началу раннетигейского горизонта относился небольшой (28 м по фронтальной стороне) впоследствии перестроенный курган тигейского типа на восточном увале Салбыкского поля (илл. 7; 1). Где-то на рубеже этого и следующего горизонта было совершено первое погребение «малого рекса» Ширинского поля.

Сложнее отделить этот горизонт от предыдущей фазы на рядовых могильниках, в том числе и с престижными курганами. Представляется, что в основном здесь еще строят курганы в стиле обелисков-ножей с невысокими стелами и центральной могилой без склепа. Внешним обликом они если и отличны, то незначительно. По сути, вне центров политических событий в Уйбатской степи еще продолжается предыдущая фаза B2. Поэтому, возможно, правильным будет обозначение горизонта как B2b/C1a.

<<Последующие исследования показали, что в это время существует две традиции строительства курганов элиты – «постсорайская» с «ближними» выносными камнями (расстояние для выносного камня 0,45-0,7 боковой стороны кургана) и «баргаяковская» с «дальними» (1-1,3 боковой стороны), по некоторым архитектурным признакам, вероятно, связанная с традициями северных территорий. Во время горизонта C1a курганы с дальними выносными камнями строятся только на могильнике Баргаяков. Курганы этого горизонта на Уйбатском, Салбыкском и Ташебинском курганных полях – все с ближними выносными камнями>>.

Горизонт классических тигейцев C1b (илл. 4; 8,9 илл. 5; 5-8; илл 7; 2,3) В курганах аристократии этого горизонта высота насыпи уже никак не обусловлена конструкцией склепа. Сколько бы накатов бревен не положили строители, высота даже перекрытого каменным панцирем кургана не будет достигать 3-4, тем более, 4,5 метров огромных «царских» тигейцев Восточного Салбыка и Кара-Кургена. Насыпь окончательно получает самостоятельное архитектурное значение, безусловно доминируя над оградой в облике кургана, что увеличивает ее престижность и символичность. Относительная ее высота колеблется между 0,08 и 0,1, иногда чуть превышая последнюю цифру. Общая конфигурация насыпи в целом еще соответствует центральноазиатской «платформе» раннескифского времени. Тем не менее, тенденция к ее росту, никак не обусловленному конструктивными

особенностями, уже ощутима. Стелам еще уделяется внимание, даже встречаются их «фантазийные» формы (Кара-Курген). Однако, «рубленные», удлинненные и относительно невысокие стелы гармоничнее смотрятся с крупной насыпью, и переход к их новому облику происходит именно в этом горизонте.

Курганы тигейского типа горизонта С1b строят уже по всей территории распространения тагарской культуры того времени. На севере они, как было уже сказано, несколько меньше по размерам, особенно те, которые возводятся неподалеку от существующего могильника, не образуя отдельных крупных курганных полей. Тем не менее, это уже полноценные престижные десятикаменные индивидуальные склепы, по конструктивным особенностям совершенно не отличающиеся от аналогичных курганов центра котловины. На юго-западе возводится первый курган тигейского типа «княжеского» ранга на Кизласском курганном поле. Для этого могильника «князей» и «малых царей» характерно сочетание ворот с выносным камнем с востока. Представляется, что этот гибрид двух традиций имел династическую подоплеку (вероятно, брак).

Такая унификация погребальных сооружений высшей элиты несомненно свидетельствует о ее консолидации и интеграции. Сформировалась единая разветвленная и ранжированная система взаимозависимых кланов и домов, класс ранней аристократии – нобилитет – тагарского общества.

Новая ситуация влияет и на традиции рядового населения. В рядовых курганах еще небольшие по размеру могилы также начинают делаться с лазом, насыпь становится более выпуклой, а стелы – более низкими, совершается все больше коллективных погребений, начинается миниатюризация погребального инвентаря.

Расширяется ареал тагарской культуры. Именно в это время появляются первые тагарские памятники за пределами Минусинской котловины – в Ачинском лесостепном коридоре. Внутри котловины заселяются более плотно междуречные пространства правого берега Енисея.

«Центр власти» тагарского социума этого времени несомненно располагается в Уйбатской степи. Однако, судя по местонахождению курганов высочайшего статуса на различных династических полях, наследственная передача власти и титулов еще не устоялась. Ситуация скорее напоминает переход титулов от одного клана к другому.

В тигейском кластере Уйбатского поля за ранним рексом Тигей II следует раскопанный классический колпаконосец Тигей I. Более того, нюансы архитектурного оформления позволяют предположить отсутствие прямой родственной преемственности между этими курганами. Во всяком случае, строила Тигей I другая линия мастеров. <<Курган построен в традиции «дальних» выносных камней. Вообще во время горизонта классических тигейцев С1b эта традиция распространяется практически на все пространство Уйбатской степи.>> Прежняя линия в это время работает в другом кластере, возводя царский Кара-Курген I.

Архитектурный стиль этого пятидесятиметрового престижного восемнадцатикаменника высотой 4,5 м уже не имеет ничего общего с изящными «суперпрестижниками» раннего тагара (илл. 4; 8). Могучая насыпь превращает стелы просто в элемент архитектурного декора, что подчеркивает их довольно эклектичная форма. А. В. Адриановым (1, с 55) зафиксировано в кургане две могилы, тем не менее, планиграфия насыпи однозначно свидетельствует, что он возводился для одного человека (северная могила). Обе могилы имели надмогильное сооружение из нескольких накатов бревен, перекрытых каменным панцирем. Вторая, южная могила, видимо, принадлежит его близкому родственнику, для которого возвести курган подобного масштаба не было возможности. Первенство перешло к Салбыкскому дому.

Салбыкское курганное поле Структурная схема

I - Раннетагарский могильник (B1-C1)

Тигейская фаза

IIa - престижный курган (B2b/C1a)

IIb - престижные курганы
впоследствии перестроенные
начала тигейской фазы (C1a-b)

III - классические тигейские
престижные курганы (C1b)

Салбыкская фаза

Династы

IVa - "цари" и "принцы" (C1c/C2 - C2)

IVb - финальные тигейские
престижные курганы
или ранние склепы (C1c/C2 - C2)

V - ранние престижные склепы
в перестроенных курганах
тигейской фазы (C2)

VI (a-c) - Сателлитные могильники (C1b-D1)

VII - Локальный могильник (C1-2)

VIII - Позднетагарские
(a-e) периферийные могильники (D1-E)

Условные обозначения

Памятники царского курганного поля
(середина-конец тагарской культуры)

- престижный двенадцатикольный курган
21 стел в ограде "ворота" "выносной камень"
- престижный двенадцатикольный курган
18 стел в ограде "ворота" "выносной камень"
- престижный двенадцатикольный курган
12 стел в ограде "ворота" "выносной камень"
- престижный двенадцатикольный курган
10 стел в ограде "ворота" "выносной камень"
- престижный двенадцатикольный курган
18 стел в ограде "ворота"
- престижный двенадцатикольный курган
12 стел в ограде "ворота"
- двенадцатикольный курган
- курган с неопределенным
количеством камней

Другие археологические памятники
(внемасштабные знаки)

- раннетагарский курган
- тагский склеп
- каменная ограда
- тагский склеп
- башня
- чапач
- "Салбыкские ворота"

Масштаб изображения местности

0 1 км

Масштаб изображения курганов

0 50м

Алексей "Налет" Август 2004

Илл. 6. Салбыкское династическое курганное поле эпохи акме.

Салбыкское династическое курганное поле (илл. 6,7) – памятник исключительной сложности. Даже если не учитывать раннетагарские могильники и таштыкские склепы, на нем находится более 80 курганов. Относительная хронология этих памятников, их взаимоотношения между собой могут быть истолкованы по-разному, для развернутого обсуждения версий необходима отдельная большая работа. Тем не менее, ряд моментов совершенно понятен. Самый существенный из них – царские курганы Салбыкского поля, вопреки кочующему из одной работы в другую мнению, не имеют ни малейшего отношения к финалу тагарской культуры, «хуннскому нашествию» и т.д. Это эпоха акме, расцвета тагарской культуры, максимальной интенсивности социальных и культурных процессов. И, хотя первые курганы на поле строятся еще на рубеже ступеней В и С (к XV, (здесь и далее указываются номера на плане на илл. 6)), высочайший статус оно приобретает во время классических тигейцев.

Первый достоверный курган царского ранга на востоке поля (к XII; илл. 7; 3) по размерам, высоте, пропорциям насыпи – брат-близнец Кара-Кургена I. Однако, в отличие от него, тигейский рекс Салбыка построен именно как десятикаменный престижник. Погребенный в этом кургане не принадлежал к «большой царской семье» Уйбата, архитектурные его особенности << прежде всего, «дальний» выносной камень и форма стел >> скорее имеют аналоги в Баргаякове (к VII, IX, XI (номера на плане на илл. 5; 1); илл.5; 5, 6, 8, 9) . Тем не менее, мастера, строившие памятник, добились нужного впечатления, сделав стелы более длинными и массивными. Получившееся в результате сочетание мощи и динамики делает этот курган одним из самых ярких произведений искусства курганного зодчества. Очень вероятно, что в это время или несколько раньше, возможно, даже в горизонте С1а, к северу от него, на небольшом увале был возведен еще два кургана тигейского типа, один «колпаконосец» (к IX; илл. 7; 1), один – княжеского или царского ранга << с «ближними» выносными камнями >>, впоследствии перестроенные (к XI; илл. 7; 10). К этому же времени относятся два «тигейца» (к XIII, XIV) << с «дальними» выносными камнями >> в обособленной долине на юго- востоке от основного поля. Один из них также «княжеского» ранга (илл. 7; 2).

Продолжительность горизонта С1b, если судить по княжеским курганам Баргаякова и рексам Кара-Кургена и Салбыка – два поколения. Еще точнее будет суммарно считать около трех поколений на оба горизонта тигейцев – ранний и классический. Данные других памятников не противоречат этой версии.

1 "Малый тигеец" восточного увала (к IX; C1a-b)

2 "Тигеец долины" (к XIV; C1b) ворота

3 Тигейская фаза C1

"Тигейский царь" (к XII; C1b)

"Салбыкский узел" C1c/C2 и салбыкская фаза C2

4 Юг династического могильника (к VI; C1c/C2; к III, IV; C2)

5 "Финальный тигеец" или ранний склеп (к VI; C1c/c2)

7 "Северный царь" (к I; C1c/C2)

6 "Южный принц" (к IV; C2)

8 "Южный царь" (к III; C2)

9 к X (C2)

Ранние склепы

10 к XI (перестроен) (C2)

Илл. 7. Салбыкское династическое курганное поле эпохи акме. Продолжение.

Салбыкский узел. Салбыкская фаза С2. Раннесалбыкский горизонт и памятники финальных тигейцев (С1с/С2а) (илл. 1; 11,12; илл. 5; 9-12; илл. 7; 4-10). Важнейшее обстоятельство. В тигейскую фазу развитие курганной архитектуры полицентрично, что, в свою очередь, отражает полицентричность «власти и славы» кланов нобиелей, строивших курганные поля Тигея, Баргаякова, раннего Салбыка, Кара-Кургена. В следующую фазу С2 господство Салбыкского Дома не подлежит сомнению. Именно здесь находится *Schwehrpunkt*, точка развития курганной архитектуры, и происходящее на других погребальных полях лишь отражает процессы, идущие на Салбыке.

Поэтому мы можем четко определить, с какого памятника начинается новая, салбыкская фаза С2. Это первый курган центральной группы, царский восемнадцатикаменник, построенный на северном увале Салбыкского поля (к I; илл. 7; 7). Размером ограды (56 м) он лишь немного превосходит тигейских рексов. Однако высота его – 10,2 м, что более чем в два раза выше царских курганов предыдущего поколения. Это не только количественный, но и качественный скачок. Кардинально меняется форма насыпи – от раннескифской центральноазиатской платформы к характерным для скифов более западных степей конусу или пирамиде. Рексы Минусинской котловины вошли в общестепную элиту и стали возводить курганы, ориентируясь на принятые здесь образцы.

Возможно, свидетельства этого процесса мы наблюдаем в западной части поля. Здесь находятся три престижных десятикаменника с увеличенной в пропорции к размерам курганов высотой насыпи. Первый (к VIII) масштабом и пропорциями – классический тигейский «колпаконосец». Второй (к VII) размерностью вполне вписывается в стандарт «колпаконосцев» (32 м), однако высота его 4,3 м, что более чем на метр выше принятых пропорций классических тигейцев. Третий (к VI; илл. 7; 4,5) при размере 36 м имеет высоту 5,5 м, это уже почти салбыкская усеченная пирамида. У курганов отсутствуют выносные камни, поэтому их невозможно точно идентифицировать. Если камни просто не сохранились, то эти курганы предшествуют рексам центральной группы, и мы наблюдаем постепенный, на протяжении двух поколений, переход к сооружению высоких насыпей. Тогда эти «предсалбыкцы» должны быть синхронны тигейцам востока поля, представлять иной клан, вероятно, более тесно связанный с «большой степью», и являться прямыми предками – «основателями» Салбыкской династии. Это, кстати, оптимальным образом объяснило бы западные влияния в тагарской культуре в это время.

Другой вариант – эти курганы возводятся уже после упомянутого царского восемнадцатикаменника. Тогда мы имеем дело с резкой, практически «одномоментной» переориентацией Салбыкского дома на соответствие их погребальных сооружений стандартам и габаритам курганов других царских домов евразийских степей. В связи с отсутствием выносных камней не исключено, что это не индивидуальные престижники, а первые престижные склепы, сопутствующие царским курганам. В этом случае их высота еще более подчеркивает новые тенденции.

Следующий шаг в развитии погребальной архитектуры, совершенный на Салбыкском поле – отказ от десятикаменного канона престижных курганов и переход к двенадцатикаменному. Вместо одной промежуточной стелы по боковой стороне теперь ставится две. Так построены два кургана центральной группы – вероятно, «принцев» Салбыкского дома (к IV,V; илл. 7; 4,6) //Прим.7. Таким образом, во время салбыкской фазы С2 мы видим уже четырехуровневую иерархию тагарского нобилитета: «цари» - «принцы» («царский дом») – «родственники царя» (правители областей, высший ранг «колпаконосцев») – «колпаконосцы». Вообще, на этой ступени иерархия сложнее, ее ступени – ранги знати – судя по всему, взаимопересекаются. Низшие ранги уже постепенно переходят к строительству коллективных склепов (см. ниже). Тем не менее, можно с уверенностью говорить о том, что исследование нюансов архитектурного оформления курганов даст возможность разобраться в этой системе//. При разных частных особенностях, судя по всему, отражающих поиски оптимальных

архитектурных решений, они оба престижные, двенадцатикаменные, размерами – чуть больше 50 м – соответствующие царскому стандарту тигейского времени. Насыпи у них высокие (7,6 м; 8,7 м) и формой следуют новым образцам.

Восемнадцатикаменная ограда получается прибавлением к десятикаменной двух стел по каждой стороне. Тот же принцип строительства «царских» многокаменных курганов остается в силе и теперь. К двенадцати камням нового канона прибавляется еще два по каждой стороне и один дополнительно по центру тыловой стороны, напротив выносного камня.

Получается двадцать один камень в ограде, для удобства подобные курганы мы называли двадцатикаменниками. Именно так строятся два самых больших кургана Минусинской котловины – курганы рексов центральной группы, наследующих погребенному в восемнадцатикаменнике северного увала. Они почти идентичны по размерам (63 м, 67 м), высоте (11, 5 м) и частным архитектурным особенностям. Северный царский двадцатикаменник на небольшом увале - Большой Салбыкский курган - раскопан С. В. Киселевым (к II) (26, с 212). Южный (к III; илл. 7; 4,8) сохранился до наших дней.

Таким образом, в центральной группе Салбыцкого поля мы имеем трех рексов и двух «принцев», относящихся, скорее всего, к трем поколениям. Переход к строительству курганов высшей знати по двенадцатикаменному стандарту произошел здесь, очевидно, между строительством первого «царского» восемнадцатикаменного кургана и последующего двадцатикаменника. Что происходило в это время на других курганных полях высокого статуса?

Синхронно царскому восемнадцатикаменнику Салбыка и несколько позже, во время строительства первого двенадцатикаменника, здесь строятся финальные тигейцы – десятикаменные престижники тигейского типа с несколько увеличенной высотой насыпи (относительная высота насыпи 0,11-0,125). Мы знаем такие курганы почти на каждом курганном поле высокого статуса – Уйбатском (в тигейском кластере, «колпаконосец»), Баргаяковском (к XI, XII; илл. 5; 1,9,10), Туимском. В Кизласе именно к этому времени относится «малый рекс». Есть финальные тигейцы и на более мелких полях. Выше мы указали, что к финальным тигейцам могут относиться и «предсалбыкцы» западной части поля на Салбыке. Вероятно, есть смысл объединить все эти памятники в единый раннесалбыкский горизонт C1c/C2a. Мы полагаем его длительность примерно равной одному-полутора поколениям.

Следующий классический салбыкский горизонт C2b начинается со строительства первого двадцатикаменника центральной группы. Статус Салбыцкого дома в ту пору неоспорим и многокаменные курганы возводят только здесь. Раскопанный С. В. Киселевым Большой Салбыкский курган – двадцатикаменный рекс северного увала – дает вполне исчерпывающее представление о внутреннем устройстве кургана в эпоху наивысшего развития тагарской курганной архитектуры.

При строительстве ограды мы видим две значимых инновации (вероятно, использованные уже при строительстве предшествующего восемнадцатикаменника). Массивные камни ограды теперь устанавливаются внахлест изнутри, а не снаружи, как это было принято ранее. Это обусловлено технологическим приемом установки их в предварительно выкопанный неширокий ров с подсыпки в виде эстакады, располагавшейся во внутреннем пространстве кургана. Кроме того, массивная ограда надстраивалась горизонтальной кладкой из сравнительно небольших плит. Это также позволяло идеально выровнять ограду по высоте. Погребение в Большом Салбыке было совершено в склепе с дромосом и перекрытием в шесть слоев бревенчатого наката. Могила ограблена практически дочи́ста, что делает сомнительными любые датировки по вещам. Все циркулирующие в литературе романтические данные (30 м первоначальная высота, постройка в течение многих лет, стелы доставлялись на расстояние 60 км и т. д.) ни в коей мере не соответствуют действительности. Насыпь если и была выше современной, то не более чем на полтора-два метра.

Действительно массивные, весом 10-30 т стелы и плиты доставлялись, вероятно, зимой на саях и катках, из каменоломни, прекрасно известной еще С. В. Киселеву и находящейся в 18

км от кургана, а вкапывались, разумеется, летом. Весь цикл работ, таким образом, занимал не более 6-10 месяцев. Другое дело, что существовал более или менее длительный перерыв, когда курган заполнялся грунтом на высоту ограды и представлял собою платформу, в западной части которой находился вход в дромос. Именно в этот момент и совершалось захоронение. Через какое-то время после него возводилась пирамидальная насыпь.

<< Переход к подобной «двухтактной» насыпи (платформа – конус (пирамида)) происходит в близкое время во многих регионах скифского мира от Туранской котловины до Предкавказья >>. Не исключено, что подобный компромисс между формами сооружения был как-то связан с представлениями об этапах посмертия.

Сейчас трудно определить последовательность возведения двадцатикаменников. Некоторые особенности погребальной архитектуры указывают на то, что последним был, все же, «киселевский» Большой Салбык //Прим.8. Традиционно промежуточные стелы, в том числе и у южного двадцатикаменника, были меньше угловых. На Большом Салбыке угловые и промежуточные стелы боковых сторон постепенно повышаются с запада на восток, выстраивая единую восходящую линию. Это – новое, очень удачное архитектурное решение, сопрягающее в едином движении к летнему восходу и ввысь верхушки многих стел, линию верха ограды в целом и боковой контур насыпи. Если южный двадцатикаменник построен позже, вероятнее всего, этот эффектный прием был бы применен и здесь, однако на нем мы видим традиционную схему//. Гораздо важнее то, что после них строительство таких курганов в Минусинской котловине прекращается навсегда.

След катастрофы Салбыкского Дома очевиден. В центральной группе и на западе поля ни одного выносного камня не стоит на месте – они или повалены или вообще стащены со своих мест, у Большого Салбыка на 700 м. На этой части поля в последующее время строится только один курган высотой 4,7 м, остальные не превышают 3,5 м.

На востоке поля, напротив, выносные камни прекрасно сохранились, в том числе, как у более раннего тигейского рекса, так и у мелких престижников сопутствующих групп. Более того, там возводятся два очередные «близнеца», масштабные коллективные склепы, размеры которых соответствуют «царскому» стандарту, высотой 5,5 и 6,7 м (к X, XI; илл. 7; 9,10), больший из которых перестроен, судя по наличию выносного камня, из тигейского рекса или князя. Ряд косвенных признаков указывает на то, что они построены после двадцатикаменников центральной группы, хотя не исключено и то, что они синхронны им полностью или частично. Впрочем, уточнение этого даст лишь аргументы в пользу того или иного сценария падения Салбыкского Дома, но мало повлияет на общее представление о сути происшедших событий. Она предельно проста. Скифское царство Минусинской котловины потерпело крах. Эпоха акме закончилась.

На недалеком Баргаяковском княжеском курганном поле мы наблюдаем схожее отражение тех же самых событий. Здесь, после упомянутого нами финального тигейца строятся два престижных двенадцатикаменника салбыкского типа размерами около 50 метров и высотой 5,5 – 6 м. Последний из них (к XIII; илл. 5; 1, 11) претерпел такие разрушения, что на нем не осталось ни одного стоящего камня, поле же вокруг и грабительская воронка в кургане завалены их обломками. Возможно, это также следы сознательной акции возмездия. Как и на Салбыкском поле, все последующие курганы здесь на порядок меньше по объему трудозатрат.

Вообще престижные двенадцатикаменники нового облика – курганы салбыкского типа – строят в это время на всех больших курганных полях. Помимо пропорционально более высокой насыпи (относительная высота 0,12-0,15) их отличает уже совершенно стандартная эстетика стел. Форма их восходит к невысоким удлиненным стелам предыдущей ступени, другие архитектурные нюансы – распределение стел по разным сторонам, соотношение их высоты с высотой насыпи – также на удивление быстро становятся довольно однообразными. Размеры курганов на разных могильниках колеблются в пределах 39-52 м, высота – 4,5-6,5 м. В частности, подобные курганы есть и на «периферийных» Кизласском, Туимском, Ширинском курганных полях. Их там тоже немного – два, максимум три на каждом. Правда,

в отличие от полей Уйбатской степи, финал эпохи акме здесь не ознаменован резким падением размаха курганного строительства, что, в общем-то, вполне понятно. Кто еще мог уничтожить Салбыкский Дом и его ближайших союзников, если мы не видим ни малейших следов иноземного вторжения?

Не все крупные погребальные поля нами обследованы. В частности, достоверно известны нам курганы салбыкского типа под Саяногорском и на правом берегу Енисея возле Теси. На менее престижных курганных полях «колпаконосцев» в эту фазу также строятся подобные курганы несколько меньшего размера.

Все, о чем мы говорили, касалось погребальных сооружений высшей элиты. Действительно, салбыкская фаза – апогей их строительства. Однако, не менее важные события происходят в это время на могильниках более низкого статуса. Здесь прекращается строительство индивидуальных курганов. Их сменяют коллективные склепы.

Для этого уже есть все предпосылки. Мы уже говорили о переходе к строительству индивидуальных склепов в курганах высшей аристократии в тигейское время. На рубеже тигейской и салбыкской фазы, насколько мы можем судить, этот переход завершен по всей Минусинской котловине. Однако есть еще местные старейшины, воинская каста, да и просто рядовое население. Именно в тигейскую фазу распространяется обычай захоронений нескольких мужчин при полном наборе оружия в одной могиле – вероятные захоронения воинов, связанных побратимством. Вообще, как было уже отмечено, количество погребенных в одной могиле увеличивается.

Перелом происходит, вероятно, на рубеже фаз, и уже во время строительства двадцатикаменных курганов салбыкских рексов коллективные склепы становятся обычными на всей территории котловины. Здесь мы также имеем дело с отражением масштабных социальных перемен.

Классообразование, возвышение правящей элиты неизбежно девальвирует социальный статус как рядового населения, так и традиционных общинных лидеров. Старый принцип «каждому приличному человеку – курган после смерти, достигшему же в роду определенного статуса – престижный курган» приходит в противоречие с новыми реалиями. Обычные ограды размером в 7-10 метров, а то и меньше выглядят совершенно ничтожными в сравнении с тигейско-салбыкскими исполинами, а создавать хоть мало-мальски соразмерные ограды для каждого значимого человека – непомерные трудозатраты для общины. В локальных социумах, тем не менее, есть свои элиты, для которых слово «престиж» – не пустой звук. Коллективные склепы в курганах приличных размеров оптимально решают проблему. Тем более, что все технологии их сооружения уже отработаны.

В курганах делается по одному, по три, реже – по два склепа. Склепы всегда располагаются в одну линию с севера на юг. В случае трех склепов, центральный – самый богатый и с наименьшим количеством погребенных, южный – самый бедный и с наибольшим количеством. В северном склепе нередко находки произведений искусства. Не изоморфна ли подобная «компоновка» традиционной трехварновой социальной структуре индоиранских обществ? В любом случае, налицо неравенство в пределах соорудившей склеп социальной группы – вероятно, большой патриархальной семьи или клана.

Однако существует неравенство и на другом уровне. На одних и тех же могильниках сосуществуют престижные и рядовые склепы. Первые существенно больше и имеют ворота. Выносной камень у них отсутствует, что позволяет отличить коллективный склеп от индивидуального. Большие престижные склепы строятся по двенадцатикаменному, реже – по десятикаменному канону и по размерам примерно соответствуют стандарту колпаконосцев тигейской фазы – около 30 метров. Высота их – 3-4 м. Рядовые склепы, как правило, меньше, их величина 10 - 20 м. Престижные склепы этого времени раскопаны в Черемшино и Табате (9, с 117-118) //Прим.9. Представляется, что переход к коллективным склепам во время салбыкской фазы постепенно и последовательно, снизу вверх, захватывает слои тагарского нобилитета. Окончательно этот процесс завершается уже в начале следующей ступени D//. Сколько времени функционировал каждый склеп – определить сложно. Ранние, вероятно –

одно-три поколения. На это, в частности, указывает количество погребенных в центральной могиле. Их всегда единицы.

Коллективные склепы возводятся как на «царских» и «княжеских» курганных полях, сопутствуя индивидуальным престижным склепам, так и на рядовых могильниках. В последнем случае мы, как правило, также имеем дело с компактным массивом, сходным с раннетагарским, но состоящим уже из курганов нового облика. По предварительной оценке около половины рядовых могильников с коллективными склепами продолжает могильники ранних индивидуальных курганов, половина же закладывается заново в другом месте. Вряд ли это говорит о каких-то крупных подвижках населения, скорее – о масштабной реструктуризации в эпоху акме общества в целом.

Подведем итог. Эпоха акме продолжается около 6 поколений – 120-150 лет и отражается в курганной архитектуре в виде ступени С. Это время наивысшего подъема культуры, время ее максимальной мощи и яркости. В каждом изданном в нашей стране в последние десятилетия учебнике археологии присутствует универсальный символ тагарской культуры – изображение Большого Салбыкского кургана.

Отчетливо различимы два аспекта этого времени, особенно интересные в своей совокупности.

Социоструктурный аспект. На всем протяжении существования тагарской культуры именно и только в это время мы достоверно имеем дело с раннеклассовым обществом. Суть даже не в факте, что Кара-Курген или Большой Салбык абсолютно несопоставимы с погребальными сооружениями рядового населения. Гораздо важнее, что на исследуемом материале мы наблюдаем две полностью сформировавшиеся страты общества. С одной стороны – «народ», рядовое население, локальные социумы, структура и бытие которых традиционны.

Определенные изменения по сравнению с предшествующими временами есть, но это скорее унификация, приведение к общим стандартам, в каком-то смысле даже стагнация, упрощение внутренней структуры этих локальных социумов, все большая нормативность поведения, быта, жизни в них. С другой – региональная элита, нобилитет, пассионарный, динамично развивающийся, открытый внешним влияниям. Иной кругозор, иное мышление, иная этика. Развитая иерархическая система, изучение общих сдвигов и локальных флуктуаций которой способно вывести исследователя на событийный уровень. По сути – два класса, аристократов и простолюдинов, две субкультуры. Социальный барьер между ними проницаем, но само его существование не вызывает сомнений.

Культуродинамический аспект. За все время существования тагарской культуры как таковой, от ее возникновения до прихода нового населения в хуннскую эпоху, мы не наблюдаем более масштабных перемен. Перемен, обусловленных внутренним ходом развития культуры, без внешних вторжений и миграций сколько-либо значительных масс населения. Недаром все предшествующие исследователи единодушно относили памятники начала эпохи акме к раннему тагару, а конца – к позднему (5, с 79-81, 26, с 210-212). Действительно, дистанция между ними кажется огромной, если мы говорим о курганах рядового населения, составляющих, по понятным причинам, подавляющее большинство раскопанных памятников. Смена раннетагарских индивидуальных могил на позднетагарские коллективные склепы (а каждый из этих способов погребения существует сотни лет) вкуче с другими изменениями в погребальном обряде, металлокомплексе, зверином стиле создавала впечатление резкой ломки культуры и заставляла исследователей искать ей объяснение в миграции извне (25, с 219).

Однако, исследование развития курганной архитектуры, в особенности престижных памятников, дает иную картину – картину быстрых и масштабных эволюционных изменений, причем обусловленных прежде всего внутрикультурными процессами. Переход от устройства могил к строительству индивидуальных склепов, модификация канонов, применение новых технологий строительства абсолютно логичны при возрастании масштаба погребального сооружения в целом. Изменение формы и высоты насыпи кургана – результат расширения внешних связей правящей элиты, необходимости поддержания престижа своего

Дома в глазах правителей других частей скифского мира. Интенсивность внешних контактов, более того, даже определенная психологическая ориентация на находящиеся ближе к очагам цивилизации, ergo, более социально развитые и богатые родственные царства скифского мира, прежде всего, саков Алтая и Восточного Казахстана исчерпывающе объясняют и отмечавшиеся исследователями изменения в других сферах культуры – художественной торевтике, металлокомплексе (значительную часть которого, вследствие миниатюризации, к этому времени тоже можно рассматривать как своеобразный вид художественной торевтики) (25, с 217). Вероятно, в этих изменениях участвовали какие-то группы иммигрантов или резмигрантов, но – именно группы, даже не локальные социумы, к тому же безоговорочно принявшие местные правила игры. Это не импульс извне, а следствие импульса отсюда. Переход же к строительству коллективных склепов, как уже было сказано, есть посильный ответ локальных элит на брошенный региональной элитой вызов.

Разделение в эпоху акме курганных полей региональной элиты и могильников рядового населения весьма символично. При уйбатских и салбыкских рексах вместо соперничества местных князей и князьков мы видим строгую иерархическую ранговую систему нобилитета. Для элиты это означало не только, а, может быть, и не столько зависимость от властителей Уйбатской степи, сколько свободу от необходимости постоянно опираться на поддержку рядовых общин. Сменился источник их власти и благополучия. Наиболее пассионарная часть населения Минусинской котловины начала руководствоваться своими законами и приоритетами. В их глазах общество окончательно разделилось на пастырей и овец. Ранее поглощенная бесконечными междоусобицами и налаживанием отношений с подданными энергия высвободилась, образовав своеобразный психологический вакуум. Классическое разрешение подобной ситуации в варварских обществах – внешняя экспансия. Однако, великолепная защита региона горами с юга, востока и запада обернулась в этом случае непреодолимым изнутри барьером, в тайге же кормить комаров никто не хотел. В этой ситуации экспансия реализовалась в форме резкого, скачкообразного расширения горизонта событий.

Относительной изоляции раннетагарской эпохи приходит конец. Теперь здесь окраинное царство скифского мира с тесными торговыми, культурными, идеологическими связями с другими его областями. Для первых у северных царств степи ресурс один, зато практически неисчерпаемый. Пушнина. Именно в это время возникают северные «притаёжные» варианты тагарской культуры, с обилием поселений и незначительным количеством курганных памятников – кемеровский и красноярский (17, с 75-77; 26, с 208).

Не будем повторяться, говоря о инокультурных влияниях той поры. Они конспективно описаны или упомянуты во многих работах (5, с 97; 10, с 24; 26, с 219), а их исчерпывающий анализ и обобщение еще ждет своего исследователя. Подчеркнем лишь, что резкий рост в высоту курганов рексов и принцев Салбыкского Дома – не столько стремление продемонстрировать свое исключительное положение среди региональной элиты, сколько необходимость соответствовать своему статусу в макроиерархии евразийских степей. Большая игра весьма увлекательна, и замороженные ею салбыкские рексы, возможно, посчитали внутренние проблемы навсегда решенными. Напрасно. Реакция была сокрушительной. Произошел не просто переворот со сменой династий – тогда мы бы имели просто еще одно царское курганное поле. Была отторгнута идеология всей эпохи. В отсутствие внешней угрозы, консолидирующей общество вокруг способных ее отразить лидеров, люди не желали быть ресурсом для «инопланетных» игр их властителей. Был заключен новый общественный договор, не предусматривающий «пастырей с жезлом железным». Несогласные с ним были убиты или изгнаны. Время «великих артистов», всецело озабоченных демонстрацией собственного престижа всем окружающим, прошло. Приоритетом для всех слоев населения, в том числе и для элиты стала спокойная и достойная жизнь сообразно своему статусу. Начался позднетагарский гомеостаз.

Поздний тагар. Ступень D (илл.8; 1-5). Фаза D1. Время гомеостаза – время спокойное и размеренное. Частные события и локальные конфликты практически не отражаются на

неторопливых изменениях в культуре. Эпоха индивидуальных курганов с их «гонкой за престижем» закончилась. За немногими исключениями, погребальные памятники позднеатагарского времени представляют собой коллективные склепы, принадлежавшие неким социальным единицам. Постепенно количество погребенных в каждом подобном склепе растет, что может быть интерпретировано как увеличение масштаба такой социальной единицы (от большой патриархальной семьи к клану?) и/или увеличение продолжительности функционирования.

Подобное положение вещей приводит к одному важному следствию. Трудозатраты на строительство курганов постепенно уменьшаются. Но гораздо более заметно уменьшается сумма творческих сил, вкладываемых в это строительство. Даже большие престижные склепы очень похожи друг на друга. Поэтому, пока наши представления об эволюции курганной архитектуры на этой ступени значительно менее детализированы. Ключик, чтобы выйти на событийный уровень для этого времени еще предстоит подобрать. Мы, скорее, с неизбежной на данном этапе исследования конспективностью, обозначаем общие тенденции и определенные этапы развития этой традиции. «Поколенная роспись» для коллективных склепов пока что является полной бессмыслицей.

Правда, в начале позднеатагарского времени, в фазу D1, которую мы, за неимением пока лучшего термина, будем называть постсалбыкской, на курганных полях кланов высшей элиты, переживших падение Салбыкского Дома (и, судя по этому факту, возможно, к его падению непосредственно причастных) – Кизласском и Ширинском – сохраняется традиция сооружения крупных индивидуальных престижных курганов с выносными камнями.

Построенные по двенадцатикаменному канону, эти курганы имеют вполне приличные, около 40 м, размеры и несколько более уплощенную, чем в салбыкское время, насыпь (илл. 8; 1).

Продолжается это не очень долго, по нашим подсчетам, максимум три-четыре поколения. От былого могущества Салбыкского и Баргаяковского домов не осталось и следа. На этих курганных полях строятся лишь ничем особо не примечательные коллективные склепы средних размеров.

Зато набирают силу другие. В постсалбыкскую фазу начинается расцвет двух курганных полей, заложенных еще на ступени С как могильники «колпаконосцев».

Чарковское курганное поле находится в 10 км к югу от Баргаяковского через долину Уйбата. Непрерывно функционирует как погребальное поле высшей элиты вплоть до эпохи Кыргызского каганата. На поле находятся два экстраординарных по своей значимости памятника более поздних эпох – Большой Уйбатский курган, раскопанный Д. А. Клеменцем и Уйбатский чаатас.

Троицкое курганное поле в долине реки Тесь. Самое мощное курганное поле финального тагара. Не исключена связь с ним расположенного ближе к Енисею Копенского чаатаса – могильника кыргызских каганов.

На этих полях в это время возводятся мощные двенадцатикаменные престижные курганы с коллективными склепами размерами 30-45 м и высотой до 5 м (илл. 8; 2). Нередко вокруг крупного престижного склепа на небольшом – 100-150 м – расстоянии находится несколько меньших по размерам и без признаков престижа.

Стелы у курганов еще достаточно мощные. Сохраняется их приземистая форма, поэтому в высоту они невелики – максимум 1,5-2 м. Стелы ворот у престижных склепов значительно меньше. Исключением является Кизласское курганное поле, где традиционно для этих мест ставятся крупные и высокие – до 3 м – стелы. Ограда у больших курганов наращивается горизонтальной кладкой из плит, зачастую до высоты стел, окончательно лишая последние свойств самостоятельных архитектурных вертикалей и превращая их в ортостаты в кладке. Следующий шаг – прекращение установки стел в ограде вообще – логически совершенно неизбежен и он, разумеется, происходит (см. ниже).

Конструкция самих склепов остается практически неизменной – яма, сруб, несколько рядов бревенчатого наката. В местах, богатых выходами камня, накат перекрывается каменным панцирем.

Если на больших рассредоточенных курганных полях элиты даже склепы без признаков престижа относительно велики и расположены на приличном расстоянии друг от друга, то рядовые могильники локальных общин строятся по принципу компактного массива, где расстояние между курганами может быть даже меньше их размеров. Средняя длина стороны у них 12-20 м, высота – до 2 м. Строятся они по десяти- или двенадцатикименному канону. Мы наблюдаем устойчивую традицию стабильного общества. Некоторые частные эксцессы строителей курганов этого времени – например, установка дополнительной стелы посередине тыловой стороны (рефлекс царских многокаменников Салбыка?) на Туимском поле или попытка устанавливать три или четыре выносных камня, видимо, по числу покойных высокого статуса в центральном склепе на Ширинском – лишь подчеркивают эту общую устойчивость. И все же в этой стабильности коренится зерно упадка. Нет изысков, нет шедевров. Курганы еще мощны и даже красивы, но однообразны. Творческий импульс постепенно уходит из этой сферы культуры, превращая ее в отбывание номера, пусть хорошо отработанного и пока еще достаточно сложного. Возможно, как первое свидетельство наступающего безразличия следует расценивать переход в периферийных областях тагарской культуры – на севере и юго-востоке к строительству курганов с сильно уменьшенными каменными конструкциями или вовсе без них (илл.8; 3).

По причинам, описанным выше, трудно четко определить длительность постсалбыкской фазы. По общим соображениям она оценивается нами ориентировочно в 6-7 поколений. Фаза D2 (новоселовская). Развитие традиции курганной архитектуры в это время довольно противоречиво.

С одной стороны, это, несомненно, распад единой традиции и ее упадок, по крайней мере, на рядовых могильниках. Количество погребенных в одном кургане возрастает – их уже может быть много десятков. Уходят в прошлое каноны – остающееся преобладание десяти- и двенадцатикименных склепов в данное время скорее результат инерции. Количество стел у престижных склепов опять увеличивается, но уже без определенных правил, зато сами стелы становятся значительно меньше. Уменьшаются размеры входа. Все более распространяются курганы вообще без каменных конструкций. Появляются сложенные горизонтальной кладкой ограды без стел. Вертикальные ограды возводятся из плит все меньшей мощности. Размеры курганов остаются в целом без изменений, однако на большинстве могильников уплощаются насыпи.

С другой стороны, происходят какие-то социальные подвижки, вновь пробуждающие интерес к строительству курганов элиты. Снова возводятся многокаменные курганы. Один из таких памятников – Большой Новоселовский курган – восемнадцатикименный склеп размером 35 м и высотой 4,5 м был раскопан Г. Н. Курочкиным (12, с 22-32). Несмотря на размеры и количество камней, ворот у кургана не было. В ограде, помимо вертикальных плит, широко использовалась горизонтальная кладка. Единственная могила 6 X 6 м, перекрытая 4-мя накатами, с дромосом с западной стороны, неоднократно грабилась. Тем не менее, мелких золотых предметов (бисер, украшения из тонкой фольги и их фрагменты) было найдено около трехсот. Количество погребенных установить невозможно.

Самый большой курган ступени D (четко определить фазу пока затруднительно) был раскопан несколько лет назад в Барсучьем логу российско-германской экспедицией (илл. 8; 4,5). Материалы исследований пока не опубликованы << общий обзор памятника можно посмотреть (29) >>, однако, поскольку этот курган был нами самостоятельно найден, осмотрен и частично обмерен за несколько лет до начала раскопок, мы считаем себя вправе привести здесь доступную нам тогда информацию, дополнив ее несколькими фактами крайне общего характера, давно циркулирующими в журнальных и сетевых публикациях.

Этот курган – настоящее зеркало состояния архитектурной традиции в описываемое время. Его создателям удалось возвести еще один, последний царский курган Минусинской котловины – так, как могло тогда удался.

По своим размерам (более 50 м длина стороны, более 8 м высота) он соответствует курганам салбыкских «принцев». С восточной стороны есть ворота. В кургане одна центральная

могила. На этом сходство с курганами Салбыкского поля заканчивается. О канонах строители кургана не имели четкого представления. Даже количество промежуточных стел по фронтальной стороне к югу и северу от ворот – разное. Стелы установлены на различном расстоянии друг от друга. Для строительства ограды и установки стел переиспользованы плиты, выдернутые из расположенных в окрестностях раннетагарских курганов.

Большинство их можно привезти на телеге. Несмотря на то, что курган, скорее всего, построен для одного человека, выносной камень отсутствует. <<Как выяснилось из опубликованной картинки совмещения топографической и магнитометрической съемки (29), выносной камень у кургана, вероятно, все же был. Это обстоятельство позволяет скорее отнести курган к фазе D1, впрочем, у кургана высочайшего статуса выносной камень мог быть поставлен и позже. В любом случае между строительством царских курганов Салбыкского дома и Барсучьим Логом дистанция в несколько поколений – это следует из описанных проявлений деградации предшествующей строгой системы. >>

При этом пространственная позиция для кургана, равно как и для всей поздней части могильника, выбрана безукоризненно.

Яркий масштабный памятник, в котором архитекторы хотят создать что-то исключительное, но им уже не хватает знаний и сил. Однако Барсучий лог – не только свидетельство упадка традиции. Это и шедевр ландшафтной архитектуры, и продолжение идеи строительства экстраординарных по масштабу памятников, и появление новой эстетики, господствующей в более позднее время – сочетание вертикальных ножевидных стел (илл. 8; 5) и мощной насыпи.

Конец ступени D связан с известными событиями хуннского времени. Вряд ли приход нового населения был бесконфликтным, но опустошительным он точно не был. Тагарская культура продолжает существовать, но уже в мультиэтничной внутренней ситуации.

1

Поздний тагар. Ступень D

Кизлас (D1)

Троицкое (D1-2)

2

3

Ойский хребет (D1-2)

Общий вид раскопок

4

Барсучий лог (D1-2)

Ворота

5

Катюшкино

6

7

Озеро Шира

8

Ступень E

Кангариха

Уйтаг

9

10

Троицкое

Илл. 8. Архитектурная традиция позднетагарского времени. Фото 4 из книги “Im zeichen des goldenen Greifen”; Berlin 2008.

Финальный тагар. Ступень Е (илл. 8; 6-10). Поскольку эта ступень идентична по культурному содержанию тесинскому этапу тагарской культуры, она не нуждается в дополнительном уточняющем наименовании. Мы будем говорить о тесинской ступени и тесинских памятниках.

Архитектурную традицию тагарской культуры в это время продолжают крупные курганы с одним большим коллективным склепом. Количество погребенных в них возрастает в некоторых случаях до сотен. Это может интерпретироваться как увеличение продолжительности функционирования склепа или как возрастание масштаба социальных единиц, хоронящих в нем своих покойных. Вопрос пока не решен, хотя мы склоняемся больше ко второму варианту. В этом случае в погребальной архитектуре отражается консолидация «исконно тагарских» социумов в новых условиях мультиэтничности. Тесинские курганы не терпят тесноты. Многие исследователи даже абсолютизировали своеобразное «одиночество» тесинских курганов (илл. 8; 6, 10). Это справедливо только для локальных позднетагарских могильников. Действительно, тесинский курган никогда не стоит рядом с более ранним компактным массивом. На больших же рассредоточенных курганных полях в тесинское время продолжают строиться курганы, иногда следуя сложившимся схемам и структурам (Уйбатское, Троицкое, Салбыкское поле) иногда игнорируя их (Баргаяковское, Кизласское поле, Барсучий лог). Многие отдельные могильники представляют собой парные курганы (илл. 8; 8) – традиция, в будущем переходящая в таштыкскую культуру. Возможно, это отражение определенной структуры локальных социумов (фратриальной?).

Размер рядовых курганов – 12-25 м, высота 1,5 – 3 м. У престижных курганов размер может превышать 40 м, а высота достигать 6 м (илл 8; 10). Ни один по-настоящему крупный курган тесинского времени не раскапывался. У больших курганов «второго эшелона» (ранговая система на этой ступени если и существует, нами она пока не выявлена) размеры склепа могут достигать 10 X 10 м.

Ворота у престижных курганов остаются. Выносные камни, естественно, отсутствуют. В то же время существуют некоторые основания предполагать, что к тесинским курганам восходит начало строительства поминальных рядов. На насыпи крупных курганов в центре западной стороны часто лежат большие каменные плиты. Не вызывает сомнений, что они тем или иным образом оформляли вход в склеп.

Стелы окончательно превратились в элемент архитектурного декора. Они, как правило, тонкие и высокие (илл. 8; 7, 9). Нередко для них используются стелы более ранних тагарских курганов и даже окуневские изваяния. Количество стел в кургане неопределенное, у больших курганов может быть до 30. При этом во всех районах Минусинской котловины уже не редкость и курганы вообще без стел и вертикальной ограды – с горизонтальными кладками по периметру.

Самые мощные курганы этого времени находятся по обе стороны реки Тесь на Троицком курганном поле. Однако превосходство этих курганов над курганами других статусных могильников отнюдь не так выражено, как, например, превосходство курганов Салбыкского дома в эпоху акме. Это, скорее, первые среди равных, тем более что судя по величине и расположению грабительских ям индивидуальных курганов среди них нет. Все же в это время здесь, несомненно, располагался своеобразный центр, включавший помимо упомянутого курганного поля три круглых городища.

Пространственное чутье у создателей этих памятников просто блистательное. Во многом благодаря этому стоящие в одиночку или парой на переднем плане великолепных пейзажей крупные тесинские курганы с их высокой по пропорциям насыпью и изящными ножевидными стелами – чуть ли не самые красивые археологические объекты в Хакасии. Это

– яркий финал тагарской архитектуры, неканоничный, но от этого не менее впечатляющий. Продолжительность тесинской ступени дискуссионна и определяется различными исследователями от двух до четырех веков (5, с 133-135). Особенности погребальной архитектуры пока не дают возможности это уточнить.

Стадия *post mortem*. Все исследователи, писавшие о тесинских памятниках, подчеркивали их переходность, наличие в них как признаков, находящих соответствие в тагарской культурной традиции, так и в более поздней – таштыкской. Это, безусловно, относится и к курганному строительству. При постройке погребальных сооружений более поздних эпох широко используются строительные приемы и способы декоративного оформления, восходящие к тесинским традициям, а в ряде случаев и к более ранним ступеням тагарской культуры. Существование же архитектурной тагарской традиции в качестве нормативной для всей культуры системы с финалом тесинской ступени заканчивается. Основа этой системы – создание долговечного и хорошо заметного в окружающем ландшафте монументального погребального памятника, обладающего ясно выраженным архитектурным объемом и построенного согласно определенным канонам – уходит в прошлое. В еще большей степени это относится к курганным полям, большим ландшафтными участкам, превращенных творческим трудом поколений архитекторов и строителей в пространства-артефакты, оказывающие определенное воздействие на восприятие и психическое состояние человека.

<< Другое дело – существование в таштыкскую эпоху особой «посттагарской» архитектурной традиции отдельных локальных групп, сооружающих двенадцатикаменные склепы с вертикальными стелами и даже, в одном случае, с воротами. Тем не менее, по своему масштабу даже самые крупные из этих памятники соответствуют лишь престижным курганам фазы В2, при этом с небольшой высотой стел. Данное обстоятельство, а также небольшое количество таких памятников и отсутствие для них единого компактного ареала указывает на то, что эта линия в общей таштыкской традиции, весьма разнообразной, представляет собой лишь остаточный, постепенно затухающий рефлекс.

Своеобразным архитектурным ренессансом раннего тагара, без сомнения, являются чаатасы. Однако, при фундаментальном сходстве идеологии и мотивации их сооружения, при том, что раннетагарские курганы в определенном смысле являлись для создателей этих памятников образцом, по крайней мере – источником вдохновения, это уже иная система, иные каноны, иная эстетика.

Вообще тема эволюции погребальной архитектуры в таштыкскую эпоху и эпоху чаатасов требует отдельного большого исследования, существенно более сложного в силу «многолинейности» традиций в это время. >>

Соотношение с общепринятыми периодизациями тагарской культуры. Возможные привязки к абсолютной хронологии. До описания тесинских памятников мы сознательно избегали каким-либо образом связывать выделяемые нами ступени и фазы с общепринятыми периодизациями (7, с 187; 8, с 4-5; 11, с 108-176; 23 с 46-50). Причина этого проста. Вместо классической археологической периодизации, основанной на типологии вещей и их корреляций в закрытых комплексах, мы попытались создать на основе одной специфической группы археологического материала – «престижных» курганных памятников – периодизацию, по сути, социально- или культурно-историческую. Подход не новый, часто не особо плодотворный, однако для уникальной ситуации тагарской культуры он на наш взгляд срабатывает. В результате получается пусть несколько иная, но не менее цельная картина. В настоящее время наиболее разработанной и широко используемой является общая периодизация тагарской культуры М. П. Грязнова (7 с 187; 8, с 4-5). Будем последовательно соотносить нашу периодизацию с ней.

Баиновский этап и формативная ступень. Формально речь идет о схожих вещах – начальных памятниках тагарской культуры. Однако, совершенно различен смысл, вкладываемый в эти понятия. М. П. Грязнов понимал баиновский этап как устойчивое, протяженное во времени состояние культуры. Термин «формативная ступень» говорит сам за себя и не нуждается в дополнительных разъяснениях. Соответственно, разнится и оценка продолжительности

явления.

Гораздо больше точек соприкосновения с концепцией И. П. Лазаретова (15, с 104), согласно которой памятники типа Баинова улуса являются наследниками лугавской традиции поздней бронзы и сосуществуют с иными ранними памятниками, вероятно, принадлежавшими мигрантам и называемыми автором раннеподгорновскими. По сути, на несколько разном материале (И. П. Лазаретов пишет, прежде всего, о комплексах погребального инвентаря) выделяется одно и то же явление – период сложения единой, впоследствии вполне устойчивой раннетагарской культурной системы. То, что этот период существовал, абсолютно очевидно из общекультурных соображений и как он будет называться – карасук-тагарским, баиновским или формативным – не имеет значения. Термины «ступень» или «фаза» в данном случае лучше отражает суть явления, так как этап, как уже было сказано, предполагает продолжительное устойчивое состояние культурного комплекса. Детализация же этого процесса, в частности, изучение связей между локальными вариантами и происходящими изменениями в погребальном инвентаре с одной стороны и курганной архитектуре с другой – дело будущих исследований.

Подгорновский этап и ступень В. Очевидно, что памятники ступени В являются классическими подгорновскими памятниками периодизации М. П. Грязнова. Полагаем также, что нижняя граница того и другого явления в целом совпадает. Проблема в верхней границе подгорновского этапа. Здесь периодизации резко, концептуально, отличаются друг от друга. Об этом в следующем пункте.

Узел эпохи акме. Позднеподгорновские, биджинские, раннесарагашские памятники.

Тигейская и салбыкская фазы ступени С. Именно интерпретация этого «срединного» времени тагарской культуры принципиально отличает нашу периодизацию от всех предыдущих.

Это обусловлено спецификой археологических источников, использованных нами.

Ничтожные части погребального инвентаря из Узун-Обы, Кара-Кургена, Большого Салбыка, попавшие в руки исследователей, не могли никак повлиять на картину, сложившуюся в результате изучения рядовых погребений этого времени. А на этом материале целостное восприятие происходящего получить было невозможно. Было понятно – что-то происходит.

Культурная трансформация на рубеже подгорновского и сарагашского этапа весьма существенна – настолько, что отдельные исследователи начали поговаривать о разных культурах (3, с 12; 6, с 132). Сам М. П. Грязнов, прекрасно понимавший, что подобные перемены в отсутствие массовой инвазии в одночасье не происходят, на основе, в общем-то, частного явления – могил биджинского типа – выделил в своей подробной периодизации промежуточный биджинский этап. Тем не менее, причины и механизм процесса смены раннего тагара поздним оставались непонятными, поэтому исследователи предпочитали отделяться общими, довольно расплывчатыми фразами. Суммируя попытки предыдущих интерпретаций этого явления, можно сказать, что речь шла все-таки о внешних воздействиях в той или иной их форме (11, с 157; 26, с 224).

В результате изучения престижных курганов и могильников этого времени перед нами открылась совершенно иная картина – быстрых, масштабных, но последовательных и системных изменений на пике социального и культурного развития тагарского общества. Не будем еще раз переписывать сказанное в посвященном этому времени разделе нашей работы. Подчеркнем лишь, что в этой новой, системной, интегрированной картине эпохи находится место и для нового понимания культурных процессов, непосредственного отношения к курганной архитектуре не имеющих.

Выделением особой ступени, включающей в себя «позднеподгорновские» и «раннесарагашские» памятники традиционной периодизации тагарской культуры мы не пытаемся дезавуировать эту периодизацию. Это – другая позиция наблюдателя, взгляд с иного ракурса. Принцип дополнительности, позволяющий получить объемное восприятие процесса.

На стыке двух периодизаций еще много предстоит сделать. В частности, у нас есть только наметки принципов, которые позволят отличать рядовые склепы салбыкского и

постсалбыкского времени. Много неясностей и в периферийных отражениях процессов, идущих в центре региона. В любом случае исследование этого невозможно без детального изучения особенностей погребального обряда и инвентаря. Равно как и курганной архитектуры.

Сарагашский этап и ступень D. За исключением нижней границы обоих явлений, сходство понятий несомненно. Сходство, но не тождество.

С точки зрения курганной архитектуры пока выделяется только один значимый рубеж – смена строительства курганов согласно общему устойчивому позднетагарскому канону на «разброд и шатание» более позднего времени. Как он соотносится с переходом к позднесарагашским, лепешкинским памятникам? Или вообще, что меняется в погребальном обряде и инвентаре, и меняется ли что-то на этом рубеже?

Далеко не все ясно и с верхней границей. В Барсучьем Логу, кургане, несомненно, сарагашского времени, мы видим первые проявления тесинской эстетической концепции (илл. 8; 5; ср. напр. илл. 8; 7). Когда эти новые веяния становятся нормой? Эта проблема пока не исследована.

Мы уже писали о сложности изучения развития традиции курганной архитектуры на поздних ступенях \ этапах тагарской культуры. Здесь пока сумма накопленных и осмысленных фактов еще не достигла того порога, за которым начинаются ответы на вопросы. Однако результаты исследования памятников более раннего времени вселяют уверенность в том, что дальнейшие исследования дадут результат и здесь.

Это относится и к тесинским памятникам.

Несколько слов об абсолютных датах. Вопрос сложный, учитывая дискуссию между сторонниками «длинной» и «короткой» хронологии. Однако «поколенная роспись» памятников начала и середины тагарской культуры в любом случае не противоречит датировкам по вещам, имеющим соответствия в памятниках других областей скифского мира. << Ключевым моментом здесь является дата Большого Салбыкского кургана (VIII-V вв до н. э. по радиоуглеродным данным) (9, с 175). Л.С. Марсадолов принимает в качестве ее конец возможного интервала по радиоуглеродным данным – V- начало IV в. до н. э. (16). На мой взгляд, рубеж C1c/C2a четко маркируется элитным склепом Черемшино, датирующегося рубежом VIII / VII вв. до н. э. Исходя из нашего понимания развития курганной архитектуры, в это время или немного позже строится салбыкский царский восемнадцатикаменник северного увала. Соответственно, Большой Салбыкский курган, возводящийся через одно поколение, должен датироваться серединой - второй половиной VII в. до н. э., что попадает во вторую четверть возможного интервала. Это *terminus ante quem* перехода от фазы C1 к фазе C2, и, соответственно, от подгорновского к сарагашскому этапу для основного массива тагарских памятников. Это превосходно объясняет сопряжение находок из раннесарагашских склепов с комплексами VII в. до н. э. (Аржан II, Чиликты, Гумарово и т. д.). Тогда на каком-то отрезке времени (одно-полтора поколения, 20-40 лет) в пределах финала VIII - середины VII вв. до н. э. поздние элитные курганы тигейской фазы и ранние салбыкской с неизбежностью сосуществуют, образуя упомянутый нами горизонт C1/C2. В рядовых курганах и могилах (основа традиционной периодизации М. П. Грязнова) признаки, согласно которым погребение и сооружение квалифицируется, как позднее подгорновское, могут доживать до конца VII в. до н. э., а в отдельных локальных социумах, возможно, и до первой половины VI в. до н. э. Это и есть упомянутый в литературе (27) феномен «параллельного существования двух культурных традиций – подгорновской и сарагашенской». Его время – грубо, без уточнения – VII в. до н. э.

В случае общей правильности нашей «поколенной росписи» можно предложить следующие примерные даты.

Начало тагарской культуры (очень грубо) – рубеж тысячелетий, м. б. чуть ранее.

Начало бельтырской фазы B1 – середина-конец X в до н. э.

Начало сафроновской фазы B2 – вторая половина IX в. до н. э.

Сорайский горизонт B2b – вторая-третья четверти VIII в. до н. э.

Тигейская фаза С1 – середина VIII в. до н. э. – вторая четверть VII в. до н. э.

Салбыкский Дом (рексы и «принцы» центральной группы, фаза С2) – первая половина VII в. до н. э. – первая четверть VI вв. до н. э.

Фаза D – с начала – первой половины VI века до н. э.

Из приведенных дат вытекает весьма существенное для рассматриваемой темы следствие.

Смена общего архитектурного облика кургана с «платформы» на «конус-пирамиду»

происходит практически синхронно во всем скифском мире в VII в. до н. э. и находится в рамках общей трансформации культур раннескифского времени, так или иначе сопряженной с событиями, приведшими к появлению скифов на Ближнем Востоке.

Собственно, «традиционные» даты культур скифского времени были обусловлены привязкой возникновения культурного мира кочевников евразийских степей к масштабному историческому событию – ближневосточным походам скифов, и давали на существовавшем в середине XX в. уровне знаний относительно непротиворечивую «картинку» происходившего, зафиксированную в конечном итоге в «темно-синем» томе «Археологии СССР».

К настоящему моменту уже накопилась критическая сумма противоречий между новыми археологическими фактами и «традиционными» датами как скифских культур центральноазиатского региона в целом, так и тагарской культуры в частности (VII в. до н. э. – начальная дата; IV в. – переход к сарагашскому этапу). Такое положение не может удовлетворить подавляющее большинство исследователей региона. Речь, по сути, идет лишь о том, до какой степени удревняются эти даты – «косметически», с начальной датой культуры в IX-VIII вв. до н. э., или радикально, до рубежа тысячелетий. Первый подход менее «революционен», следовательно, более прагматичен с точки зрения приемлемости для научного сообщества в целом.

Однако лишь второй подход вновь позволяет полноценно связать новые факты с известными историческими событиями. В этом случае отправная точка формирования «центральноазиатского крыла» скифского мира неизбежно оказывается сопряженной с войнами смены династий в Китае. Частности этого процесса нам пока неизвестны, что, на мой взгляд, никак не отменяет общую правильность подобного соотнесения.

Геродотовский же «великий западный поход» скифов в этом случае столь же несомненно связывается с масштабными социальными, культурными и политическими переменами второй половины VIII – начала VII вв. до н. э. В их числе – общий социальный подъем ступени акме тагарской культуры, переход к сарагашскому этапу в Минусинской котловине и к алды-бельской культуре в Туве, резкая интенсификация торговых связей между Южной Сибирью и Казахстаном, выявляемая на материале бронзовых изделий (24).

При создании первоначального варианта этой статьи мы исходили из приоритета объяснения изменений в архитектурной традиции тагарской культуры ее внутренним социальным развитием. В связи с вышесказанным, появляется возможность рассматривать эти изменения в более широком историческом контексте. Что, я надеюсь, так или иначе будет сделано >>.

Перспективы. Очевидна необходимость продолжения полевых работ на памятниках всех ступеней тагарской культуры. Для позднеатагарских курганов предстоит еще разработать систему принципов, позволяющую более или менее достоверно определить последовательность их строительства на конкретном могильнике. Для памятников же ступени акме степных районов Минусинской котловины можно приступать к составлению общей карты могильников элиты различного статуса, что даст проекцию социальной иерархии этого времени на конкретный ландшафт.

Предстоит большая работа по соотнесению существующих материалов раскопок с разрабатываемой нами моделью. Существенную трудность здесь представляет то, что подавляющее большинство этих материалов относится к рядовым курганам, позиция которых в предлагаемой нами системе четко определяется лишь при весьма благоприятных обстоятельствах.

Большой интерес представляет уточнение получаемых данных с помощью современных технологий, в частности, геофизической съемки. С ее помощью можно, например,

определить количество могил в кургане или точно установить, существовал ли у него выносной камень. Обычным осмотром это далеко не всегда возможно сделать.

Адаптированные соответствующим образом, наши методы исследования, несомненно, применимы и к другим культурам той же эпохи с развитой каменной погребальной архитектурой – культуре плиточных могил, другим типам памятников центральноазиатского региона. Полагаем, что выявленные нами на крупных престижных курганных полях закономерности расположения и группировки курганов тем или иным образом проявляются и на аналогичных памятниках других регионов скифского мира.

Работа еще только начата, и вопросов пока много больше, чем ответов. Это касается даже наилучшим образом обследованных и понятых нами могильников тигейско-салбыкского времени. По позднетагарским же памятникам, как уже говорилось, мы имеем пока лишь весьма схематичный набросок.

Тем не менее, метод есть, он работает и дает значимые результаты. И, может быть, самое существенное – этот метод никоим образом не разрушает памятники, оставляя их в неприкосновенности для будущих исследователей, которые будут знать и понимать больше нас.

<< Существует прекрасный способ проверки наших выкладок, по крайней мере, в отношении ступени С. Важнейшие для наших построений курганы Узун-Оба и Кара-Курген стоят раскопанными со времен Адриана. Дерево в их могилах, несомненно, сохранилось и пригодно для радиоуглеродного анализа. Его извлечение и датировка не требуют серьезных затрат. Хотя оптимальным в этом случае было бы полное доисследование с частичной реконструкцией этих красивейших памятников тагарской культуры Минусинской котловины.

>>